

ОХОТНИК

12+

Елена Демченко

Елена Юрьевна Демченко
ОХОТНИК

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=62791306

SelfPub; 2020

Аннотация

На что ты готов, чтобы сберечь свой мир? Чтобы вернуть его из небытия? Магия, наука, параллельные вселенные...

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Макс возвращался домой. Он не спешил. Дежурство закончено, можно расслабиться. Хотя, как раз расслабиться ему удавалось редко. Особенно после дежурства, когда, несмотря на двенадцатичасовое бдение, чувства обострены, рефлексы отточены, нервы... нет, вот с нервами всё в порядке. Напрягаться до звона он им никогда не позволял. Никто не верил, что при его работе можно всегда оставаться хладнокровным. Максим лишь улыбался слегка и загадочно, но никого не разубеждал и правоту свою не доказывал. И чувствовать он умел, и сопереживать, и радоваться жизни. Иногда. В последнее время, правда, редко. Но на работе прятал самого себя так глубоко в подсознание, что, если и не превращался в робота, то был близок к тому. Ноль эмоций, только расчёт, точность, удар на поражение. По-иному работу патрульного он не мыслил. Не один он, но не у всех получалась так, как у него. Далеко не у всех.

Суперменом Макс себя не считал, полагая, что на успехах, какими бы они ни были, останавливаться нельзя, надо стремиться к овладению следующим этапом мастерства, поэтому тренировался регулярно, поблажек не делал ни в чём.

Он надеялся однажды отправиться в космос – одна из причин, по которой пошёл в патрульные; не военная, но всё-таки служба, и навыки, опять же специфичные, без которых не

обойтись в экстремальных условиях.

Проект, однако, разрабатывался медленно, хотя всем было понятно, что с Земли рано или поздно придётся уходить, и скорее всё-таки раньше, ибо задержка не сулила ничего доброго. Но в верхах сидят не просто консерваторы и оппозиционисты прогресса даже в сегодняшнем, пародийном виде. Они, прежде всего люди. Обычные люди, уставшие. Может и до конца не отказавшиеся от борьбы, но уже сдавшие много позиций.

Все устали. Все. Ну, какой смысл прыгать и прыгать в кувшине, из которого не выбраться? В кувшине-то не молоко, чтобы масло потом сбить, а вода. Прыгай, не прыгай, опереться всё равно не на что будет.

Устали. Смирились с неизбежностью. Только вид делают, что ещё на что-то надеются, проекты новые открывают, идеи выдвигают, пытаются себя обмануть. Но на деле никому уже ничего не интересно. Это – тоже часть расплаты за прежние ошибки. И неважно, кто виноват. Кто конкретно. Все виноваты. Все – часть единого человечества, а значит ответственность в равной степени на всех. Да никто ведь и не спорит. Уже не спорит. Потому что бесполезно. Потому что уже всё решили за нас.

Дорога под ногами чуть поскрипывала. Или так только казалось? Не может она явно скрипеть под ничтожным весом человека, древесина прочнее алмаза, тяжелее... с чем срав-

нить-то? Да не с чем сравнивать. Из такого дерева можно космические корабли строить, если б поддавалось обработке. Не поддаётся в том-то всё и дело.

Когда начали расти первые Деревья, и пресса, и телевидение прямо-таки захлёбывались от восторга: надо же, какой подарок природы! Какие блестящие перспективы в использовании!.. А оказалось, никакой не подарок. Совсем наоборот. Наказание! Кара – так точнее. Деревья спиливали, они росли и становились всё крепче, не поддаваясь ни топорам, ни пилам. Их корчевали, они росли. Их пробовали жечь, они не горели. Их пробовали взрывать, травили химией, напускали естественных вредителей, жуков всяких, гусениц прожорливых и прочую дрянь. Деревья росли. Росли отовсюду, даже из воды, из песка, в горах и пустынях. Росли пугающе быстро и изменяли мир вокруг. Изменяли облик планеты, которую человек запакостил до безобразия...

Мир без Деревьев Максим помнил, правда, смутно: был ещё очень маленьким. Тогда наступление на города ещё не началось. Теперь же, спустя тридцать лет, кольца Лесов начали сжиматься вокруг мегаполисов, постепенно прорастая сквозь окраины и медленно проникая всё глубже.

Краем глаза Максим заметил движение слева. Кто-то осторожно крался параллельным курсом. Расплывчатая тень, меняющая очертания. Сумеречник. Дежурство окончено, винтовка зачехлена; пока достанешь, да подготовишь

к бою... Фу, да какой там бой! Ради клочка дыма не стоит и беспокоиться. Смертельной опасности он не представляет. Неприятно, конечно, кашлять полдня, да с покрасневшими глазами ходить, но не смертельно. Вне дежурства нельзя расходовать боезаряды. Мало кто, конечно, придерживается этого запрета, да и не запрета вовсе, а, скорее, рекомендации об экономии. Но сумеречник не стоит и того. Резким движением правой руки Макс метнул в темноту леса луч света маленького, но мощного фонаря. Сумеречник взвизгнул жалобно, почти по-человечески, брызнул клочками темноты и исчез в чаще.

Макс вошёл в город, который, вообще-то, начался значительно раньше, но в домах, завоёванных Лесом, давно никто не жил, невозможно в них было жить: Деревья прорастали насквозь, ломали стены, крушили самые глубокие фундаменты и самые высокие крыши. По какой-то странности некоторые здания не рушились сразу, стояли памятниками самим себе с ветвями, торчащими из окон и дверей, украшенные пышной кудрявой зеленью. А уж зелени вокруг хоть отбавляй! Она не меркнет даже зимой, жесткие сочные листья спокойно выдерживают морозы.

Сильных морозов нет уже давно, климат заметно потеплел, но холода, от которых обычные растения защищаются спокон веков переходом в зимний анабиоз, Деревьям не просто не страшны. Они даже не замедляют рост молодых побегов!

Макс спрыгнул с ветки, по которой шёл, и остановился, взглядываясь в панораму города, раскинувшегося у подножия холма. Лес наступал со всех сторон, стекал волнами по склонам, заполнял овраги и русла речек, воду которых впитывал без остатка.

Горизонт, правда, пока был чист, но уже и там, в бесконечной когда-то дали, угадывалась тонкая зелёная линия.

Народу на улицах почти не было. Редкий пешеход отважится перед приближением сумерек прогуливаться так близко от кромки Леса. В центре, может, и продолжается ещё дневная жизнь, а здесь, в поглощаемых темнотой окраинах, уже давно тихо и пусто.

Тонкая полупрозрачная нить потянулась с крыши одного из зданий. Медленно вытягиваясь вверх, она постепенно утолщалась на конце, превращаясь в воронку и всё больше бледнея и растворяясь в сумеречной синеве. Да и так не было бы видно, не пересеки её закатный луч. Макс ощутил дуновение ветра, слабенькое сначала – так, намёк – но с каждой секундой сильнее.

Воронка над крышей расширялась. Стало видно, что она вращается против часовой стрелки. Максу пришло вдруг в голову, что источником ветра является именно воронка!..

Постепенно над ней заклубилось небольшое белое облачко, но вечерняя тень окончательно легла на город, поглотив таинственное явление. Потом стих и ветер.

Опомнившись, Максим поудобнее устроил винтовку за плечом и почти бегом поспешил к приземистому зданию с вывеской "Полицейская управа. Отдел патрулирования". Надо же! Увлёкся таинственным зрелищем, совсем забыл, что безопасного времени осталось не так много. Кто знает, какая нечисть выползет из Леса? И будет ли эффективен против неё стандартный боезаряд? Службы ночного патрулирования вооружены лучше, но и они не рискуют выходить за границу города.

Окно начальника управы светилось. Пока последний дневной патрульный не доложит о возвращении, свет будет гореть, а начальник – находиться на своём месте, командно-диспетчерском посту. В обязанности это не входит, но за тридцать лет его службы не было случая, чтобы он не встретил последнего патрульного, сколь поздно бы тот ни вернулся. Если вернулся...

И в этот раз он ходил взад-вперёд по тесноватой комнатке диспетчерской. Хмуро глянул на вошедшего Максима и вместо приветствия буркнул:

– Что так долго?

– И тебе добрый вечер, Палыч. Все вернулись?

– Ты последний. Всякий раз в твоё дежурство ломаю голову, на какое очередное геройство тебя потянет? Что на этот раз? Сражался с войском Лесного Царя?

– Ну, не совсем, – Макс плюхнулся в кресло возле пульта,

который давным-давно бездействовал, но стоял, как напоминание о других временах, без Деревьев, чьё электромагнитное поле делало невозможным использование электроники. Начальник управы давно грозился демонтировать пульт за ненадобностью и сдать ценный металл, но, когда оставался один, начищал все его клавиши, экраны и рукоятки замшевым лоскутом до зеркального блеска.

– Парочку Змеев Горынычей пристрелил и только-то!

– Всё бы тебе балагурить! А люди волнуются!

– Ну, извини. Иди домой, Палыч. Виктория Петровна извелась, наверное?

– Она привычная. Женой патрульного не каждая может быть, а мы уже почти сорок лет вместе. Да и нет её дома. Отправил к дочери в центр. Там поспокойнее. Завтра вещи соберу и тоже перееду. Гонит нас Лес, гонит. Обложил со всех сторон, как дичь. Скоро и бежать некуда будет.

Он усмехнулся.

– Конец света всегда предрекали в огне, в дыму, с шумом и гамом. Никто и предположить не мог, что он будет наступать тихонько, в пышной зелени...

– Да брось ты раньше времени хоронить мир! Что с тобой сегодня?

Начальник устало опустил в соседнее кресло.

– Состарился, наверное. В каждом из вас вижу сыновей и тревожусь за каждого. Мне-то хоть есть, что вспомнить, каким всё раньше было, а ты, небось, и телевизора не застал...

– Застал, – возразил Макс. – Хотя совершенно не скучаю, в отличие от тебя.

– Да я тоже не скучаю, – поморщился Палыч. – Без него лучше. Театр я всегда любил, живое искусство, живую музыку... Да ведь не о том речь.

– Ладно, брось. Будущее было, есть и будет, как завещал нам великий э -э -э.... кто завещал, Палыч?

– Винтовку убери. Все патроны расстрелял?

– Не все, не бойся. По сумеречникам не палил, леших избегал, досталось только Горынычам. И то пол обоймы цело.

Максим изволил подняться и аккуратно вставил оружие в крепёж оружейного шкафа.

– Пойду, пожалуй.

Палыч, уже одетый, стоял в дверях.

– Завтра жду тебя с утра.

– У меня выходной!

– Отменяется выходной. Есть работа.

– А прошение моё подписал?

– Вернёшься с задания, подпишу.

– С задания? Какого?

– Завтра, – махнул рукой Палыч, – Всё завтра. Отдыхай.

Домой Макс дошёл быстро. Он не так далеко жил от управы, да и вообще предпочитал ходить пешком или, при необходимости, бегать, полагая, что дополнительная тренировка не помешает в любое время.

Дом его располагался не на самой окраине, но в довольно обезлюдившем районе. Соседи по улице перебрались поближе к центру города, но Макс не торопился последовать их примеру. Прямой опасности из Леса пока не наблюдалось, с мелкими неприятностями он справлялся. Ему нравилась тишина и малолюдность, нравился дом, в котором родился, который помнил всю его семью до пятого колена. Конечно, дом теперь великоват для одного-единственного жильца, но Макс всё равно решил оставаться в нём до последнего. Будь, что будет.

Резная дубовая дверь бесшумно распахнулась, впуская хозяина. Макс вошёл в уютную знакомую темноту прихожей, чиркнул спичкой, зажигая свечу.

Заржавевший насос противно заскрипел, и Макс, качая воду в ванну, в который раз подумал, что пора бы его смазать.

Греть воду не стал; дров совсем мало осталось. Помылся в холодной, растёрся докрасна полотенцем и почувствовал, что усталости как не бывало.

Бросил в закипевшую воду в котелке брикет суточного пайка и, пока тот разваривался, зажёл пару свечей в канделябре и пошёл в спальню.

Возле двери обо что-то споткнулся, упал, но успел рефлекторно сгруппироваться, перекувыркнулся и снова вскочил на ноги. Подсвечник отлетел в сторону. Одна свеча погасла, но другая продолжала гореть, и её трепетный огонёк

выхватил из сумрака торчащий из пола голый штырь сантиметров десяти высотой. Если бы Максим наступил на него, проткнул бы ногу насквозь.

Макс поднёс свечу ближе. Коричневатый острейший штырь – и не штырь вовсе, а молодой росток. Деревья добрались и до его дома. Вот и всё. Можно собирать вещи. Меньше чем через месяц от старого особняка останутся одни развалины. Досадно. Тем более что вокруг столько брошенных домов, относительно целых, во всяком случае, Деревьями не тронутых. Пока. Переселиться что ли в один из них? Не очень удачное решение. Раз Лес начал атаку на эту часть города, не пощадит ничего. И никого тоже. Вот чёрт. А он-то надеялся хотя бы год ещё здесь прожить. Впрочем, что изменилось бы? Успел бы вместо столь нежелательного переезда в центр отправиться в Космос? Ну и сколько можно тешить себя несбыточными надеждами? Из всей Управы, похоже, только он один верит, что космический проект будет всё-таки осуществлён. Палыч, вот, почти в открытую посмеивается над ним, поэтому и прошение не подписывает. Чего ради него терять патрульного, коли их и так мало?

Макс принёс из кухни короб для овощей – тяжёлый объёмистый ящик – и накрыл им росток Дерева, потом прошёл по всему дому, внимательно вглядываясь в полы и стены. Ничего. Похоже, поросль в коридоре пока единственная. Слабое утешение, но всё же. Ну, хотя бы переночевать сегодня ещё

можно, а то и несколько дней в запасе. Посмотрим. Деревья всё-таки медленнее бамбука растут. Спасибо им за это.

Палыч, уставший, осунувшийся и постаревший ещё больше, официально представил его худой, загорелой, блондинке с упрямой тонкой линией губ, отчего лицо её казалось надменным. Блондинка окинула его цепким взглядом пронизательных карих глаз и, похоже, осталась довольна.

– Максим Селиванов, дневной патрульный бета сектора.

Макс церемонно поклонился.

– Весна Мирослава Барашкова, старший научный сотрудник центрального института общей биологии и генетики. Садись, Максим.

Макс сел во вращающееся кресло возле безмолвного диспетчерского пульта.

– Вобщем... центральный институт обратился к нам с просьбой проводить их сотрудника для выполнения научного исследования... – Палыч не смотрел на Максима и слова подбирал как-то неестественно. Лгать он не умел, но и правду почему-то сейчас говорить не хотел.

– Позвольте мне, – Весна Мирослава Барашкова заговорила неожиданно мягким низким голосом с прибалтийским акцентом. Все, однако, сейчас говорили с тем или иным акцентом. Народы перемешались, границы стёрлись, и порой можно было встретить представителей довольно экзотичных рас.

– Максим...

– Даниилович.

– Максим Даниилович, по мнению Николая Павловича, вы лучше всех знаете подходы к первому барьеру...

– К первому? Разве есть ещё?

– По нашим данным их, как минимум, три. Так вот, мне нужно попасть к барьеру, и вы меня проводите.

– Могу я спросить, зачем вам к барьеру?

– Спросить, конечно, можете, – она говорила очень непривычно. "Конечно" у неё так и звучало, по буквам, а не как обычно говорят славяне "канешно». – Но причины вам знать необязательно. Скажем так, моя экспедиция преследует научные, биологические цели. Думаю, этого достаточно для ответа. Мы отправляемся через два часа. Домой можете не возвращаться. Всем необходимым Николай Павлович вас обеспечит. Он предупредён. А сейчас прошу извинить, мне надо отлучиться по делам. Буду ждать вас на улице. Прошу не опаздывать.

Она вышла. Макс отметил, что походка у неё упругая и спортивная.

– Что происходит, Палыч? – Максим повернулся к нахмуренному начальнику управы. – Почему сушеная ботанша института генетики командует здесь, аки царица Савская?

Палыч устало потер ладонями лицо.

– Делай, как она говорит, Макс. Я ничего дополнительно сказать тебе не могу. Поверь только, что так будет лучше

всем нам. Всем. Понимаешь? Просто поверь, как я поверил. А что нам ещё остаётся? Уныло ждать бесславного конца?.. И в то же время я чувствую, что мы сами далеко не во всём правы.

Он покачал головой.

– Нет. Если ещё хоть что-то можно сделать... Проводи её до барьера, а там пусть, как знает. От тебя ничего больше не требуется.

– Понятно. Понадобился сторожевой пёс без права голоса.

– Вроде того.

Спустя ровно два часа, Макс в универсальном комбинезоне патрульного, с рюкзаком, ждал во дворе.

– Вы пунктуальны, – биолог Барашкова одобрительно кивнула. – Точность – очень хорошее качество.

И быстрым шагом потопала к выходу из города.

– Макс, – Палыч протянул ему на прощание руку, – Возвращайтесь.

– Обязательно. – Максим пожал сильную крупную ладонь своего начальника.

Некоторое время они так и шли: впереди резво и спортивно бежала биологиня, а в некотором отдалении – Максим. Когда здание управы скрылось из виду, он остановился, снял рюкзак, сел на обломок бетонного блока и стал ждать. Примерно через полчаса биологиня вернулась, раскрасневшаяся и сердитая.

– В чём дело, Максим Селиванович? Вы нездоровы? Или не хотите меня сопровождать? Почему вы не идёте?

– Сколько вопросов! Но позвольте сначала мне кое-что выяснить.

– Только недолго.

Она тоже сняла рюкзак и уселась напротив Максима.

– Мирослава Барашковна, вы были когда-нибудь в Лесу?

– Конечно. Если вы забыли, я – биолог.

– Наверное, вы не поняли. Не в лесу, а в Лесу.

– Что вы хотите сказать?

– А то, что есть разница

– По-вашему я не знаю?

– Мне кажется, нет. Не до конца. Если в лесу самый опасный зверь – ёжик, то в Лесу самый безопасный – руконогий вампир. Он не сделает вам больно до последней капли вашей крови, которую перекачает в себя, пока вы спите...

– Для этого вы со мной и идёте, чтобы предупреждать опасность.

– Да! А посему, дамочка, давайте договоримся: вы перестаёте командовать, держитесь позади и выполняете беспрекословно и главное – быстро любое моё распоряжение.

– Так-таки любое? – фыркнула биологиня.

– Любое! – весомо повторил Макс. – Если я прикажу вам раздеться, вы должны будете сделать это немедленно, потому как именно от этого может зависеть в ту минуту ваша жизнь. Если вы согласны, мы идем дальше. Если нет, вы идёте одна.

Со своей жизнью вы вольны поступать, как вздумается, а я охраняю покой простых мирных людей и не буду рисковать своей миссией во имя чьего-то сумасбродства. Понимаете, мне всё равно, чем вы пригрозили Николаю Павловичу и почему он вас побаивается. Надо мной у вас власти нет.

Вздохнув коротко, биологиня вновь надела рюкзак.

– Ваши условия принимаются, Максим Селиванович.

– Даниилович.

– Простите.

– Называйте меня просто Максимом.

И он зашагал вперёд.

Сначала они шли быстро. Пока путь пролегал недалеко от города, серьёзной опасности не наблюдалось, и можно было двигаться, не опасаясь чьих-то клыкастых челюстей, ядовитых шипов и щупалец, норвящих обмотаться вокруг шеи или сломать позвоночник.

– Откуда здесь такая благоустроенная дорога? – биологиня Барашкова бежала, не отставая от своего проводника-теплохранителя и совершенно не сбив дыхания. – Это что-то из прежних времён?

– Это не дорога, – откликнулся Максим. – Это ветка Дерева. Она единственная в округе, но это уже настоящее Дерево, а не авангардный Лес, который простирается вокруг.

– Боже! Я и не думала, что уже так близко!..

– Не близко, – успокоил Макс. – Минимальное расстояние до барьера сто километров. Максимальное – около шестисот.

Граница неравномерная.

– Всё равно очень близко.

– Что же делать? Остановить процесс невозможно. Значит, надо искать другие пути.

– О чём это вы?

– О космическом проекте. Как вы думаете, он реален? В принципе?

– В принципе реален, – кивнула биологиня. – Но среди множества мнений о целесообразности главенствует Протест. Сторонники Протеста, а их немало, можете поверить, придерживаются догмы, что раз все мы – дети природы, дети своей планеты, почему мы должны покинуть её, покинуть наш дом? Природа не вправе с нами так обходиться.

– Уже обошлась. Разве исчерпаны не все методы борьбы с Матушкой? Не все попытки доказать, что мы умеем брыкаться и кусаться? Только непохоже, чтобы она испугалась нашего гнева. Или новоявленные протестанты ратуют вовсе не за борьбу, а за принятие конца с пением псалмов и гимнов, покорно склонив головы? Ну, уж нет! Раз Матушка отказалась от своих детей, надо покинуть её.

– Не всё так просто. Видите ли, Максим...

– Стойте! – вдруг оборвал он, резко остановившись. Биологиня с ходу налетела на его выставленную в сторону руку.

Впереди отчётливо вздрагивала земля, раскачивались ветки деревьев, гудели стволы. Продираясь сквозь них, как сквозь траву, на дорогу выползала огромная округлая туша,

покрытая чешуйками, размером с хорошее блюдо и окрашенными в причудливый пёстрый узор. Передняя часть туши остановилась, а сзади продолжалось движение, исполинское туловище выпирало вверх, изгибалось. Потом передний конец вдруг взметнулся в небо на высоту пятиэтажного дома и снова упал, неожиданно мягко, далеко вперёд. И начался новый цикл движения...

– Мадонна! – прошептала биологиня. – Да это гусеница! Но какова должна быть птица, которая может её склевать?!

– Ну, нам её не стоит опасаться. Если такая птица есть, нас она просто не заметит. Какая гастрономическая польза от двух микробов?

По счастью путь гусеницы проходил поперёк пути людей. Около получаса пришлось ждать, пока монстр проползёт. После него в лесу осталась широкая просека.

– А если э т о направится к городу?!...

– Не направится, – покачал головой Максим. – Ещё не было случая. Они в целом безобидны. Мы их даже не отстреливаем. Но на всякий случай город обнесён частоколом. Вы же видели.

– Так это от них?

– Да. Более серьёзного и крупного зверя он не задержит. Поэтому и созданы патрули, днём и ночью охраняющие периметр. Вы сильно устали?

– Нет.

– Не стесняйтесь. Нам надо до темноты выйти из леса, а

значит, придётся идти ещё быстрее. Лучше немного отдохнуть.

– Как скажете, командир.

С явным облегчением Весна Мирослава сбросила с плеч лямки рюкзака. Рубашка под ними и на спине была мокрая от пота.

– Что у вас в рюкзаке такое тяжёлое?

– О, ничего! Просто походный набор. Кроме того, я ведь женщина и не могу обходиться без определённых мелочей, без косметики...

– Что-то я не заметил, чтобы вы косметикой пользовались, – покачал головой Макс. Весна улыбнулась.

– Косметика – это не только румяна, помада, тушь для ресниц. Кроме того, высшее искусство нанесения декоративной косметики, когда её совершенно не видно.

– Зачем же тогда наносить? – удивился Максим.

– Это – наш секрет, секрет женских чар, обаяния и ещё кое-чего, что мужчине никогда не понять.

Она порылась в рюкзаке, достала пластиковый пакет с бутербродом. Протянула Максу.

– Угощайтесь.

– Спасибо, – слегка смутился тот. – У меня есть брикет.

– Берите-берите! Это, конечно, белковый заменитель, не настоящее мясо, но на вкус почти не отличишь и, уж конечно, лучше вашего пайка из сухой резины.

Настоящее мясо или нет, но бутерброд с ним и кусочком

поджаренного хлеба оказался очень вкусен.

– Как здесь красиво! – Весна сидела на своём рюкзаке и с удовольствием оглядывала окрестности. Пейзаж и, правда, был великолепным: высоченные деревья с пышной листвой или хвоей, шелковистая нежная трава, огромные, живописно разбросанные валуны, острова цветов фантастических форм и окрасок. И над всем – бездонной синевы небо, перечёркнутое редкими полосами белоснежных облаков.

– Трудно поверить, что это великолепие может таить враждебность.

– Эта красота не для нас, – кивнул Макс. – Авангардный лес несёт предупреждение, что следом движется барьер из Деревьев.

– Говорили когда-то, что красота спасёт мир, а получается, что как раз она его губит.

– Она губит не мир, а нас. Человек в гордыне своей считал всегда, что мир без него не может обойтись, что создан специально для него, а вот дали ему понять, что он-то как раз лишний в гармонии и красоте. Пойдёмте, Весна.

– Да. – Она быстренько расчесалась, перехватила волосы в хвост резинкой и вскинула на плечи рюкзак. В нём что-то глухо брякнуло. Максим покачал головой, но ничего не сказал.

Ближе к вечеру они углубились в лес.

– Разве не проще дойти до Дерева по ветке? – удивилась

Весна, когда Максим свернул в сторону.

– Нет, – отрезал он. – Вам же нужно к барьеру и побыстрее?

– А ветка не кончится у барьера?

– Конечно, кончится. Километров через пятьсот. Кроме того, безопасные места мы миновали и теперь на открытой дороге будем хорошей мишенью для желающих поохотиться.

Чуть в стороне от них заметались многочисленные тени. Весна вздрогнула от неожиданности.

– Что это?

– Это сумеречники. Бояться их не надо, но берегите глаза.

– Похожи на приведения. Они – живые существа?

– Нет, мёртвые! – съязвил Макс и повёл лучом фонаря по сторонам. Сумеречники взвизгивали и разлетались. Один подплыл к Весне и замер. Она заворожённо смотрела на него, потом медленно протянула руку. Сумеречник подождал прикосновения и взорвался облачком чёрной сажи. Биологиня охнула от неожиданности и закашлялась.

– Я же сказал, осторожнее!.. Не трите глаза! Стойте спокойно.

Макс достал из кармана комбинезона платок и тщательно смахнул чёрный пепел с лица спутницы. Из покрасневших глаз её градом катились слёзы, оставляя грязно-серые дорожки на испачканном лице.

– А вам даже идёт!

– Боже мой... я, наверное... ужасно выгляжу?! – не пере-

ставая кашлять, сокрушалась Весна.

– Для маскировки сойдёт, – успокоил её Макс, – Или для карнавала чертей.

– Вы так любезны!

– Нечего обижаться. Мы же договорились о подчинении.

Помните?

– Да. Извините. Вы правы, я сама напросилась на неприятность. Но и вы поймите правильно: я ведь, прежде всего исследователь.

На это Макс ничего не ответил.

– Господи, да когда же кашель кончится?

– Дня через три.

– Вы это серьёзно?!

– Нет. Через пару часов придёте в норму.

– Как же я пойду? Глаз открыть не могу.

– Держите, – Максим вложил ей в руку конец ремня от рюкзака. – На руках я вас не понесу. Отпустите конец, пеняйте на себя. Будете ночевать там, где остановитесь. Нячиться с вами не собираюсь.

Так они и шли: впереди Максим, за ним – биологиня; шли на удивление ровно и достаточно быстро.

Когда почти совсем стемнело, они успели добраться до широкой ровной поляны, покрытой нежной, мягчайшей на вид травкой.

– Какое чудесное место! – проворковала Весна. – Вы обещали кучу опасностей, а до сих пор мы видели только пре-

красные пейзажи, да небольшую гусеницу! Но поверьте, я не в претензии!

– Это хорошо. Значит, вы не передумали слушаться?

– А что такое?

– Да нет, пока ничего. Располагайтесь. Ночевать будем здесь.

– Почему не на поляне?

– Две причины. Ночью на охоту выходит большинство хищников. На открытом месте мы будем хорошей приманкой. Вторая же причина – это не поляна. Это болото.

Весна хмыкнула недоверчиво, но спорить не решилась. Развязала рюкзак, достала одеяло, какие-то вещички. Распустила волосы, чтобы причесаться.

Макс постоял некоторое время, прислушиваясь и внимательно вглядываясь в сумеречный лес.

– Вы умеете лазать по деревьям?

– Это шутка?

– Нисколько. Боюсь, это необходимость... Ну-ка быстренько, взяли вещи, и – вон на то толстое дерево.

– Я не...

– Шевелитесь! – повысил голос Макс. Сам же развязал ремешок и достал из бокового кармана туго свёрнутый рулончик. Потом подхватил рюкзак и побежал к огромному раскидистому дубу. Весна, что-то недовольно бормоча, уже взбиралась по стволу. Макс полез за ней вслед. На высоте нескольких метров, держась одной рукой за небольшой сук,

другой сделал резкое движение, и рулончик в его руке упруго развернулся и обмотался вокруг ствола, образовав своеобразный пояс, густо утыканный расправившимися шипами. Затем Макс поднялся ещё выше, до толстой ветки или, скорее разветвления дерева на два ствола. Привязал рюкзак, чтобы тот не свалился ненароком. Зарядил винтовку.

– Весна, вы меня слышите? Где вы там? Вам удобно?

– Слышу, – приглушённо донеслось сверху. – странные вопросы вы задаёте, Максим Се...э-э.. Даниилович. Я бывала в экзотических местах, много путешествовала, но жить на дереве мне не приходилось. Конечно, неудобно! Мы здесь надолго? Или может, это – учебная тревога? Для, так сказать, поддержания имиджа? Тогда можно я спущусь? Возьму одеяло, а то немного жёстко. Обещаю вернуться!.. Что это шумит внизу? Кажется, там что-то бегаёт?!... Не руконогий вампир случайно?!

– Нет. Ночные ползуны. Такие, знаете, длинненькие, с острыми зубками и хвостиками с колючками. Они очень прожорливы и...

– Не надо! – взмолилась она. – Не пугайте меня. Мы здесь в безопасности?

– Утром увидим. Если все руки-ноги на месте будут и в приличном состоянии...

Весна что-то пробурчала, и по сыплющимся листьям и веточкам Максим понял, что она полезла выше.

Коготки заскребли по коре: некто или нечто, почуяв ин-

тересное, стало взбираться на дерево. Макс снял винтовку с предохранителя, направил ствол вниз, луч фонарика выхватил на миг мордочку с горящими красными глазками-бусинками и оскаленную пасть с тремя рядами длинных игольчатых зубов. Кожистые перепончатые псевдокрылья трепетали, не в силах поднять хозяина в воздух, но, не позволяя ему разбиться при падении.

Зверь наткнулся на ремень с шипами, взвизгнул и упал вниз. Следом раздалось ещё несколько взвизгиваний. Всю короткую летнюю ночь то и дело маленькие монстры пытались добраться до людей, но тех надёжно защищал частокол колючек. К счастью, никто более крупный, нежели ползуны, не пожаловал в гости, и ночь можно было бы назвать относительно спокойной, если бы не поднятые с болота беготнёй монстриков тучи комаров. Они кусались сквозь плотную ткань комбинезона, даже кожа ботинок, казалось, им нипочём! Макс старался не замечать их, но противное зудение над ухом не давало заснуть, и лишь под самое утро удалось задремать на часик.

Солнечный луч пощекотал веки, скользнул теплом по щеке. Максим открыл глаза. Посмотрел вниз. Ползунов не было, но земля вокруг, между деревьями, была исполосована глубокими бороздками. Ни травинки не осталось, ни хвоинки, ни кусочка коры. Чистая испаханная земля. Хоть огород сажай.

Всё тело затекло от неудобной позы в течение нескольких часов. Макс, морщась и ругаясь сквозь зубы, слез с дуба, помахал руками и попрыгал, разгоняя кровь, сделал несколько упражнений в качестве утренней разминки. Потом намочил в росе носовой платок и протёр лицо.

Весна со стонами сползла со своей ветки, сделала несколько неуверенных шагов и заметила вдруг перепаханную землю.

– Что это? Кто это сделал?

– Догадайтесь, – буркнул Макс.

– Ночные гости?

– Верно.

– Я где-то тут вчера оставила некоторые вещи... О, нет! Какой ужас!!

Максим хмыкнул, глядя, как биологиня сокрушается над останками того, что вчера не успела собрать из-за поспешного бегства. Одеяло было распущено на тонкие верёвочки, всё прочее изгрызено в клочки, кусочки и бесформенную массу.

– Не сокрушайтесь так. Здесь есть и положительная сторона. В таком виде могли оказаться и мы, если бы не успели спрятаться. Или вы лишились чего-то действительно ценного?

Билогиня не уловила сарказма в голосе Макса.

– Моя косметика, зеркало, щетка!.. Я обречена выглядеть пугалом.

– Это уж точно.

– Что?

– Нет, ничего. Даже хорошо, что вы не видите своего отражения.

– Всё так плохо?!

Макс снова хмыкнул, но предпочёл не отвечать.

– Здесь нельзя где-нибудь набрать воды? Вы говорили, там болото? Значит, есть хоть какая-то вода?

– Возьмите немного мха, вот здесь, с краю. Мох влажный, вполне годен для умывания. А в болоте не вода, а жидкая грязь. Других источников здесь нет. Только то, что даёт атмосфера. А питьевую нашу воду не расходуйте по пустякам.

– По-вашему это пустяки?!

– Конечно.

Макс развёл небольшой костёр. Когда дрова прогорели, положил на тлеющие угли брикет в фольгированной обёртке.

– Подкрепиться не желаете?

– Нет, – пробурчала биологиня, старательно натирая лицо и руки пучками мха. – У меня нет аппетита.

– Как хотите.

Приведя себя в относительный порядок, Весна смотрела, как Макс упаковывает свой рюкзак.

– Скажите, Максим, вы от природы такой чёрствый или только со мной?

– Разве вам есть дело до моих чувств?

– А почему нет?

– Вам виднее. Собрались? Пойдёмте.

Казалось, лесу не будет конца. Шли, правда, медленно, продираясь через густые переплетения ветвей, обходя огромные поваленные стволы, поросшие вездесущим мхом и грибами. Иногда приходилось пролазить под ними, и тогда при неосторожном движении за шиворот сыпались кусочки коры, всякая шелуха вкупе с жуками древоедами и глянцево-коричневыми многоножками.

Пару раз Максусу пришлось-таки применить оружие и отогнать выстрелами чрезмерно любопытного трёхметрового варанчика. Вообще-то случаев нападения варанов на людей не было до сих пор, но всё когда-то бывает впервые.

На усталость Весна не жаловалась, крепилась, но плелась сзади и периодически делала один-два глотка из фляги с водой. Когда буреломы остались позади, лес поредел, и путники вышли на широкую поляну, Весна со стоном сняла рюкзак и упала на белый песок, кое-где поросший редкой жёлтой травой.

– Встаньте, Мирослава Барашковна, – мягко сказал Максус.

– Не могу! Мне надо отдохнуть!

– Если вы сейчас же не поднимитесь, рискуете быть съеденной, потому что улеглись на муравейник.

– О, нет! – Весна мгновенно взвилась на ноги и огляделась. – Вы пошутили?! Я ничего не вижу!

Макс покачал головой.

– Я редко шучу. Если вы чего-то не видите, не значит, что этого нет. Давайте отойдём вон на тот край, там и отдохнём...

– Одного не понимаю, почему здесь так сухо? В лесу должно быть прохладно и влажно! А здесь росы – и той почти нет!

– Это же не обычный лес! Авангардный! Те же самые Деревья, только что-то вроде корневой поросли. Пройдёт время, и они превратятся в Барьер.

– Деревья не горят, а вы разводили костёр...

– Когда они выпивают всю влагу на мили вокруг себя, от прежней растительности остаётся сушняк.

– Да, конечно, – кивнула Весна, – Я не подумала.

– Не желаете перекусить напоследок?

– Нет. Мне хочется только пить и пить... А почему напоследок?

– Потому что наше путешествие подходит к концу.

Весна огляделась.

– Я не вижу цели нашего путешествия. Вы должны были сопроводить меня до Барьера.

– Барьер в двадцати километрах отсюда. Вон там, где скалы. Правда, их отсюда плоховато видно. И не надо делать обиженное лицо. Я не собираюсь бросать вас на полпути, но скалы – это и есть Барьер, да и не скалы в привычном понимании, а Деревья, вернее, прикорневая часть стволов. Они не растут вверх, как свечки, а изгибаются порой весьма при-

чудливо. И, если стоишь у подножия холма, трудно понять, что перед тобой по сути растения, а не горы.

– Это впечатляет, – кивнула Весна.

– Но прежде, чем мы двинемся в путь, я хотел бы все-таки кое-что уточнить. Честно говоря, мне нет дела до истинной цели вашего вояжа и до способа, каким вы собираетесь вернуться обратно в одиночку, тем более что кое-какие меры вы предприняли для этого. Мне даже неинтересно, кто вы на самом деле ...

– Что значит, кто я?

– Например, вы не биолог. Кое-что вам известно, но не более чем простому смертному, не специалисту. Сцену с су-меречником вы подстроили намеренно, зная о его особенностях. Вам нужно было, чтобы вас считали беспомощной, временно лишённой зрения, чтобы я расслабился, потерял бдительность и перестал наблюдать за вами. Что вы подбросили мне в рюкзак? Небольшое взрывное устройство? Инъектор с быстродействующим (надеюсь!) ядом?

– Всего лишь небольшой амнизатор, – тихо сказала Весна. На Максима она не смотрела. – Вы уснули бы, а когда проснулись, ничего бы не помнили о последних трёх днях. Вашего опыта и рефлексов, думаю, хватило бы, чтобы во время сна не быть кем-нибудь съеденным.

– Спасибо, – искренне поблагодарил Макс. – А сами намеревались вернуться, используя ультразвуковые маяки, которые устанавливали по дороге, когда я думал, что вы почти

ничего не видите после контакта с сумеречником?

– Вы и об этом проведали?

– Не сразу, – кивнул Макс. – Сначала я вам поверил. На мысль об ультразвуке меня натолкнули ползуны. Они никогда не собираются в стаи и отличаются пассивностью. В возбуждение их могло привести что-то крайне необычное, например, источник ультразвука, который они прекрасно слышат и который должен быть достаточно мощным.

– Ну, не очень-то и мощный!..

– Уберите иньектор, Весна.

Макс кинул ей свой рюкзак. Биологиня молча пошарила в нём и вытащила небольшой тускло поблёскивающий шарик.

– Надеюсь, был всего один?

Весна бросила на Макса сердитый взгляд, когда тот забирал у неё рюкзак, потом отхлебнула из своей фляжки.

– Число моих преступлений не настолько велико, чтобы вы бросили меня прямо здесь?

– Если вы отдохнули, пойдёмте.

Максим встал и, не оглядываясь, пошёл в сторону далёких серых скал, чьи очертания слегка размывались в горячем воздухе, струящемся от нагретого пес-

Двадцать километров самой настоящей пустыни предстояло преодолеть до Барьера. Ноги глубоко вязли в сухом песке, мельчайшая пыль, вздымающаяся при каждом шаге, скрипела на зубах, раздирала горло, лезла в нос, даже, несмотря на плотные платки, которыми путешественники обмотали лица. Весна снова начала кашлять. Макс крепился, как мог.

– Немножко бы дождя не помешало, – прохрипел он. – Но беда в том, что в этот период их почти не бывает.

– Господи! Как же я не сообразила!

Весна остановилась и стянула с плеч рюкзак.

– В чём дело? – оглянулся Макс. – Совсем выдохлись?

– Потерпите чуть-чуть, и ваше любопытство будет удовлетворено.

Вопреки ожиданиям она не уселась отдыхать, а постояла немного, сосредотачиваясь, и стала медленно поднимать руки ладонями вверх. Макс наблюдал внимательно, но без интереса.

Через пару минут подул лёгкий ветер, зашуршал песок. Время шло. Ветер крепчал с каждой секундой. Весна стояла, как изваяние античной богини с поднятыми руками, а примерно в метре над её головой крутился сначала почти невидимый, тоненький как шнур смерчок. Полупрозрачный, лишь слегка преломляющий солнечные лучи, смерч постепенно уплотнялся, рос вверх и вширь. Ветер кружил вокруг него, превращаясь в настоящий ураган. И вот уже не "стек-

лянный" шнур, а исполинская сизая воронка наполняла себя и небеса вокруг себя пылью и сгущающимися тучами.

Первые капли дождя упали на иссушённую землю.

Очень быстро дождь перешёл в ливень. Тугие, жгуче холодные струи били в песок, вздымая его фонтанами и превращая в жидкую грязь. Свернула огромная молния, вонзилась ветвящимся концом куда-то за лес, где остался Город. Грохот грома потряс округу до Барьера и дальше.

Весна даже не шелохнулась. Она стояла с простёртыми к небу руками, закрыв глаза, а чудовищная воронка над её головой росла, бурлила и наполнялась мраком.

Макс стянул с лица намокший платок, сбросил рюкзак и подскочил к спутнице.

– Весна! Опомнитесь! Что вы делаете?! – тряс он её за плечи. Струи ледяного ливня, смешанного с ветром, хлестали по лицу, рукам. Песок уже не мог впитать всю воду, и она собиралась под ногами огромными лужами.

– Весна! – Макс похлопал её по мокрым холодным щекам. Биологиня, наконец, открыла глаза, встрепенулась и с усталым вздохом опустила руки. Воронка тут же втянулась в облака. Ветер стих. Ливень ещё некоторое время барабанил по лужам, затем пошёл на убыль. В разрыве туч блеснуло солнце.

Максим снял прилипшую к телу рубашку и принялся тщательно её отжимать.

– Я, кажется, немного не рассчитала силы, – виновато

улыбнулась Весна.

– Да уж! – буркнул Макс. – Не хотите выжать одежду? Обещаю в вашу сторону не смотреть, коль здесь негде спрятаться.

– Догадываюсь, что вы предпочли бы вообще не встретиться со мной.

Макс покосился в её сторону, но тут же отвернулся.

– Не понимаю только, зачем вам понадобился проводник и охранник, коль вы сама – могущественная колдунья?

– А вы верите в колдунов? – в уставшем голосе зазвучали лукавые нотки. – Нет, друг мой, я далека от мистики и всего, так или иначе с нею связанного. Любой человек обладает силой достаточной, по крайней мере, вызвать дождь. Надо лишь потренироваться, почувствовать себя частью мира, впитать его энергию и направить, например, на образование облаков.

– Вот как? Значит, всё просто? Почему же спокон веков люди страдали от засухи? Леса – от пожаров? Чего бы легче: р-раз и вызвать дождь, где надо? И нет проблем!

– Не знаю. Это не в моей компетенции. Но думаю, человек настолько привык считать себя зависимым от природы, от любых проявлений её характера и особенностей, что просто пасует. А может нельзя вмешиваться в естественные процессы, и нам когда-то было сие известно? Потом причина забылась, но подсознательный запрет остался?

– Разве сама природа не страдает от собственных же "про-

явлений характера"?

– Неудобство для человека не есть неудобство для природы. Она мудрее нас и сама знает, что и когда ей лучше... Кстати, можете повернуться.

Весна успела привести себя в порядок. Мокрая одежда была выжата, волосы расчёсаны и распущены по плечам. Кожа сияла чистотой, на щеках горел румянец, синие глаза блестяли. Максим подумал, что оказывается, она совсем не дурнушка, какой показалась при первой встрече, и какой выглядела последнее время из-за неприятных приключений, выпавших на её долю. Да и лет, похоже, ей гораздо меньше, чем казалось.

Биологиня переделалась в узкое спортивное трико, рукава рубашки подвернула, а концы завязала узлом над талией. Вид у неё получился лихой, даже немного ковбойский. И фигура оказалась совсем ничего, на уровне!

– Впредь, если решите поколдовать в своё удовольствие, – сухо заметил Максим, – предупредите или...

Он не договорил, вглядываясь в нечто, приближающееся к ним от уже близких скал.

– Или что? – иронично улыбнулась Весна. – Вы меня накажете?

Макс шагнул вперёд, быстрым жестом отодвинул биологиню за спину и снял с плеча винтовку.

– Что слу... О боже! Кто это?!

Мелкой рысью, пригнув лобастые головы и оскалив хищ-

ные пасти, к ним приближались три зверя, напоминающих крупных собак или волков, но при ближайшем рассмотрении оказавшихся ни тем, ни другим. Четыре львиные лапы, гибкий извивающийся кольцами хвост, удлинённая морда с выпирающими вперёд зубами, – звери были похожи на воплощение ночного кошмара.

– Надеюсь, не я их вызвала из преисподней! – прошептала Весна.

Приближаясь, чудовища изменили тактику атаки. Двое, присев на лапах, продолжали идти вперёд, а третий по большой дуге помчался в сторону.

Макс щёлкнул затвором, взял на мушку одного из зверей. Те подошли уже совсем близко и двигались мелкими-мелкими шажками, почти ползком.

– Почему вы не стреляете?! – прошептала Весна.

– Пусть сначала нападёт, – так же ответил Макс, – нельзя убивать только за то, что тебе кто-то не нравится.

Хищник рыкнул с явной вопросительной интонацией. Люди не отреагировали, тогда он резко выдохнул и прыгнул.

Тут же раздался выстрел, и почти сразу второй зверь тоже начал атаку. Первый был убит наповал, а второго лишь слегка задело, зато разъярило. С визгом, перемежаемым рыками, он бросался и бросался на Макса, напарываясь то на нож, то на удар кулаком или прикладом винтовки, пока не затих, слабо поскуливая, рядом со своим неподвижным собратом.

Макс перевёл дух и вдруг краем глаза заметил движение

чуть в стороне и сзади. Больше рефлексивно, чем осознанно бросил туда тело, отшвырнул Весну и принял на себя удар прыгнувшего третьего хищника, о котором в пылу схватки успел забыть. Сцепившись в клубок, они покатались по мокрому песку. Когти львиных лап пропоролы ткань рубашки, впились в плечи. Макс отворачивал лицо от клыков и смрада, исходящего из ужасной пасти, и изо всех сил сжимал руки на толстой шее зверя. Под шкурой того напрягались мускулы, он задыхался, но сдаваться не желал.

В какой-то момент зверь оказался наверху и вдруг неожиданно обмяк, горящие глаза потухли и закатились. Макс сбросил с себя тяжелое тело и поднялся. Его шатнуло, но на ногах удержался. Оттёр рукавом с лица песок и увидел Весну. Бледная, как полотно, она всё ещё сжимала в руке шарик иньектора, которым, уловив момент, обездвигила зверя. В глазах плескался ужас. От виска к подбородку тянулась кровавая полоса.

– Вы целы? – хрипло спросил Макс. Она только кивнула. На щеке кровь похоже не её, а зверя. Макс поискал глазами рюкзак. Там должна быть аптечка. Стянул остатки рубахи. Поморщился. Раны начало саднить. В пылу схватки не чувствовал боли, но теперь она дала о себе знать.

Весна тихо ахнула, суетливо принялась шарить в недрах своего мешка. Извлекла какой-то пакет.

– Выпейте!

– Что это? – вяло поинтересовался Макс. – Какой-нибудь

амнизатор или иже с ними?

– Лекарство. Антибиотик.

– Не надо. У меня есть.

Отвёл в сторону её руку с пузырьком.

– Если не трудно, подайте мой рюкзак. Вон из песка лямки торчат.

– Почему вы мне не доверяете?

– Потому, что пока вы меня только обманывали.

Весна начала всхлипывать, но рюкзак принесла. Макс выбрал место посуше, сел, развязал репшнур.

– Ну, давайте же я помогу! – по лицу биологини текли обильные слёзы, но она попыталась улыбнуться. Забрала у Макса аптечку и принялась обрабатывать раны.

– Ну и чего вы плачете? Всё же позади.

– Пост шокový синдром, – опять всхлинула Весна. – Не обращайтесь внимание. Сейчас пройдёт.

Второй рубашки, взамен порванной у Макса, не было. Он натянул футболку без рукавов и куртку-штормовку. Анестетик действовал, боли он не чувствовал, но раненые плечи тревожить не стал: рюкзак и винтовку взял в руки.

– Пойдёмте. Скоро вечер, надо добраться до Барьера.

С наступлением темноты похолодало. Путники нашли удобную щель в скалах, что и не скалы вовсе, а исполинские корни исполинских деревьев. Нагретые за день, некоторое время они хранили тепло, но и оно постепенно уходило. Из

остатков принесённого с собой хвороста, развели маленький костёр. Тепла от него было немного, но стало уютнее. Разогрели ужин, более чем скромный, вскипятили по кружке воды для чая.

Весна сжалась в комочек, обхватила себя руками.

– Мёрзнете? – спросил Максим. – Сядьте ближе.

– Благодарю, – Весна подвинулась к нему. – Моё одеяло, если помните, зубастые зверушки распустили на верёвочки.

Макс укрыл её половиной своей куртки.

– Надеюсь, я не причиняю вам больших неудобств? Знаете, я вспомнила одну историю. В ней журавль сражался с коршуном, защищая гнездо, причём не своё, но с маленькими птенцами. Коршун не ожидал такой самоотверженности и отступил, а израненный журавль опустил в гнездо, укрыл птенцов своими крыльями. И умер... Вы чем-то напомнили мне его.

– Рановато меня в покойники записывать.

– О! Простите, я не это имела ввиду! Я говорила о мужестве.

– Но вы и сами проявили находчивость. Неизвестно, чем бы закончилась схватка, если бы не вы.

– Не преувеличивайте! Хотя похвала из ваших уст дорогого стоит.

– Что вы собираетесь завтра делать? Можете не отвечать, если это большой секрет.

– Нет, не секрет. Полезу вверх.

– Вы шутите?

– Нет.

– Альпинисты же давно перестали штурмовать Деревья! Последнее восхождение, если не ошибаюсь, было лет восемь назад. Ничего интересного там не обнаружили.

– Да. Мы много чего давно перестали делать. Потому что отказались от борьбы.

– А есть смысл? Деревья не победить.

– Вы уверены?

Макс хотел пожать плечами, но болезненно поморщился.

– Насколько мне известно, никакие меры не привели к положительному результату. Деревья продолжают расти. Тем быстрее, чем яростнее их пытаются уничтожить. Людям ничего не остаётся, как отступить.

– Придёт день, и отступить будет некуда.

– Я стараюсь не думать об этом.

– И всё же? Вот вы. Что, например, вы будете делать?

– Уже не "например". Сквозь мой дом пророс лес. Несколько дней назад. Боюсь, возвращаться мне будет некуда.

Весна лишь покачала головой.

– Вы ушли от ответа на вопрос, что собираетесь делать наверху?

– Провести кое-какие исследования. Проверить гипотезу.

– Есть гипотезы, ради которых стоит рисковать жизнью?

Весна пристально взглянула на него.

– Риск в наше время столь необычен? Вы тоже рискуете. Гораздо чаще, чем другие, учитывая специфику вашей работы.

– Вы правильно сказали: это моя работа. А вас что гонит?

– Тоже работа, работа, в которую не верят, не поддерживают, даже запрещают.

– Столь абсурдна гипотеза?

– Выглядит таковой. Дело в том, что Деревья изучали долго и много, да, но с позиции неких аномальных природных образований, радиологических мутаций или чего-то в этом роде. Пытались найти средство справиться с ними, использовать, уничтожить, но никто не пытался понять, не столько причину возникновения, сколько их самих, как представителей некоего разума.

– Да? Тогда сравнение "глуп, как пень" обретает совсем иной смысл.

– Иронизируете? Впрочем, примерно так к моей гипотезе отнеслись не только вы. Были мнения и раньше, что некие гипотетические инопланетяне возвращают базу для своих потребностей, не считаясь с населением планеты, но никто всерьёз к этому не прислушивался.

– А вы так не считаете?

– Я считаю, что инопланетяне тут ни при чём. Деревья – порождение самой Земли, либо её разума, либо сами как представители новой расы, пришедшей на смену нам, как мы когда-то, то есть млекопитающие, пришли на смену динозав-

рам.

– Разве такое возможно?

– Почему нет? Они лучше приспособлены к жизни, неуязвимы, не нуждаются в пище, в защите от внешних проявлений экосферы.

– Это ещё не делает их разумными. Или, по-вашему, они сознательно вытесняют нас как вид, как конкурентов?

– Не совсем так. Какую конкуренцию человеку составляют муравьи? Разве мы считаемся с ними, осваивая новые территории? Мы их не замечаем. Для Деревьев мы – куда меньше, чем муравьи для нас. И пока мы не сделали ничего, доказывающего право на жизнь с Их позиции. Они нас просто не видят. Приспособимся, ну что ж, наше счастье. Нет – значит, не повезло. К сожалению, многие сейчас склоняются к решению ничего не предпринимать, предоставить природе самой сделать выбор, предполагая в гордыне, что, коль человек – венец творения, то рано или поздно все остальные склонятся перед ним. Или же наоборот: раз сопротивление бессмысленно, принять конец с достоинством, без эпатажа и суеты.

К сожалению, сторонников идеи о том, что разум должен понять другой разум, по крайней мере, попытаться понять, не нашлось. Институт не дал разрешения на экспедицию. В помощи мне было отказано. Тогда я решила действовать самостоятельно. И постаралась принять меры, благодаря которым ответственность целиком легла бы на меня, ведь без

определённого содействия не обойтись, по крайней мере, в начале пути.

– И для начала вовлекли в неприятности Управу охраны города?

– Управа не пострадает. Если перед кем я и виновата, то только перед вами. Не учла вашу проницательность. Недоценила Охотника.

– Что вы надеетесь найти? Ваша гипотеза предполагает нечто конкретное? Некий ментальный центр среди веток и листьев? Или нашли способ измерения и систематизации каких-нибудь импульсов, излучаемых Деревьями и лучше всего фиксируемых наверху? Деревья в своё время штурмовали не раз и не два. Многие исследователи так и не вернулись. Остальные не обнаружили ничего интересного.

– Я знаю. Но может они не там искали, и не то? Мне кажется, что слишком рано прекратили исследования, отказались от дальнейших попыток понять.

– Значит, вы полны энтузиазма?

– Не совсем. Нельзя это в полной мере назвать энтузиазмом. Скорее, отчаянной попыткой. Может, последней вообще, прежде чем Деревья окончательно нас победят, но пока есть неразрешённые вопросы, хочу найти ответы. Пусть это покажется неумным, расточительным даже, но я не готова сдаться. Сегодня, по крайней мере.

Надеюсь, вы не осудите меня и простите за все неудобства, которые я вам доставила.

Некоторое время Макс молчал, покусывая тонкую горьковатую веточку, которую собирался было подложить в гаснущий костерок.

– Уже поздно, – сказал, наконец, и бросил ветку на угли. – Предлагаю немного поспать. У нас завтра трудный день...

– Согласна, – Весна повозилась, устраиваясь поудобнее.

– ... и я иду с вами.

– Что? Я не расслышала.

– Всё вы расслышали, Весна. Но повторю: я иду с вами.

– Это невозможно!

– Почему? – Макс покосился на спутницу, привставшую от удивления.

– Вы ранены!

– Вы всерьёз думали, что я вас брошу тут одну?

– Но ваши плечи!..

– Заживут, – отрезал он.

– Если я произвожу впечатление беспомощной особы, которую надо постоянно опекать, то заверяю вас, я кое-что умею и....

– Я видел, – кивнул Максим. – Не в беспомощности дело. Точнее, не совсем в ней. Возможно, у меня нет вопросов к Деревьям, но согласен, что сдаваться рано. Не знаю, где и как, но выход должен быть. Я чувствую. Если ради этого надо пропутешествовать сколько-то километров вверх, значит, пойдем вверх.

– Но ваша работа?..

– Моя работа – защищать людей. Вы тоже к ним относитесь.

– О! Благодарю!

– Не стоит, – кивнул он. Весна засмеялась.

Максим много раз видел Деревья вблизи, но никогда не пытался штурмовать исполинские стволы, напоминающие больше стены гигантских городов, изъеденные ветрами и временем, покрытые трещинами, а местами совершенно ровные и гладкие, только что не полированные.

Альпинизм не входил в число его пристрастий, соответствующих навыков не было. Тем не менее, он упорно карабкался вверх, цепляясь за подходящие выступы, шероховатости и старался не смотреть вниз.

Весна на сей раз шла впереди. Она довольно уверенно управлялась с альпинистским снаряжением, которое взяла с собой и которое составляло основу содержимого её рюкзака. Попутно давала указания своему бывшему командиру и страховала его на опасных участках пути. К счастью таких было немного, и подъём проходил довольно гладко, без затруднений.

Вышли затемно, лишь только-только начинался рассвет, а к полудню, миновав выступающие над землёй части корней, перешли на ствол. В какой-то момент Максим едва не сорвался, когда из глубокой трещины, больше похожей на вер-

тикальный овраг или вход в туннель, вылетела стая птиц с длинными, тонкими, острыми клювами. Стая лавиной хлынула вниз с громкими криками, но людей атаковать не стала, обогнула по короткой дуге и, едва не задевая их кожистыми крыльями, унеслась прочь.

Солнце поднималось всё выше. Начало ощутимо припекать. От пота раны саднило. Макс терпел, полз вверх, да изредка ругался сквозь зубы.

– Смотрите!.. Вон там, прямо под облаком, видите?..

Весна показывала куда-то вдаль, в сторону, где зеленое бесконечное море листвы сменило пустыню. Макс пригляделся. Среди веток торчал наружу толстый белый стержень.

– Обломок чего-то. Похоже на... Точно! Это хвост вертолёта! Старый совсем...

– Потерпел аварию?

– Похоже на то. Давно же это было!

– Надеюсь, людей там нет.

Максим не ответил.

Они сидели на небольшом выступе. Не очень удобное место для привала, но ничего более подходящего в ближайшей перспективе не наблюдалось, а ноги, даже достаточно тренированные, категорически отказывались двигаться.

Сколько ещё подниматься? До самого верха? Там и воздуха-то, наверное, нет. Могут ли Деревья расти в космосе или почти в нём? Нормальные – нет, конечно, а эти... Кто их

знает? Не исключено, что могут. Макс посмотрел вверх, но верхушки не увидел. Густая полоса туч скрывала всё, что находилось километрах в трёх выше их площадки. Это не было надвигающимся дождём. Даже при наличии мощной корневой системы влаги Деревьям не хватало, они конденсировали её из атмосферы, и наверху меж листьев обычно всегда висела туманная мгла, где плотнее, где разреженнее.

После пары часов подъёма они вошли в неожиданно тёплое, влажное облако, настолько густое, что уже на расстоянии вытянутой руки ничего не было видно.

– Стойте, Весна, – Максим не узнал собственного голоса. Туман не только приглушил его, но и изменил тембр. – Слышите меня?

– Да, – биологиня отозвалась совсем не с той стороны, откуда ожидалось.

– Мы так потеряем друг друга или вообще свалимся... Вы где?

Смутный силуэт закачался чуть впереди.

– Здесь.

– Мне тут в голову пришло... Не могли бы вы, как вчера, вызвать ветер. Без грозы, конечно, и не слишком сильный, чтобы нас отсюда не сдуло. Может, ветер хоть ненадолго туман развеет?

– Хорошо. Держитесь за что-нибудь на всякий случай.

Несколько минут ничего не происходило, потом Максим

ощутил движение воздуха, сначала слабое, но крепчающее с каждой секундой. Туман зашевелился, поплыл, постепенно начал редеть. Ещё через полчаса видимость настолько улучшилась, что Макс разглядел Весну метрах в трёх выше. Она неподвижно стояла, закрыв глаза и вскинув над головой руки. Над ней кружился призрачный смерч.

В шуме ветра вдруг послышалось тихое, но грозное рычание. Медленно, приседая на львиных лапах, по стволу спускался зверь, с собратьями которого накануне был принят бой в пустыне. Этот был, пожалуй, даже крупнее.

В одну секунду, сбросив рюкзак и перехватив винтовку, Макс прыгнул вперёд и оттолкнул биологиню себе за спину.

Дуло винтовки смотрело в оскаленную морду зверя...

– Спокойнее, Аргус, спокойнее, – раздался вдруг голос сверху. Зверь перестал рычать, отступил и сел, не сводя, однако, пристального взгляда с охотника. Из тумана появилась высокая фигура в белой длиннополой одежде. Мужчина средних лет, с длинным посохом, неторопливо подошёл к ужасному зверю, потрепал его ласково по лобастой башке. Тот закрыл глаза и не замурлыкал, наверное, лишь потому, что не умел, ибо сверху всё же более походил на собаку или волка, чем на кошку. От кошачьих он получил лишь лапы и хвост.

Незнакомец ударил посохом в землю, сиречь поверхность Деревя под ногами, отчего ветер тут же прекратился, и ясным взором оглядел путников. Слегка поклонился.

– Да будут долгими ваши дни и светлыми помыслы! Меня зовут Славоград. Я – младший волхв посадской Обители. Приветствую гостей жданных! Отчего задержались? Княгиня ехать не желает, не повидавшись с вами, а её время дорого стоит.

– Мы... э-э-э.., – начал, было, Максим, но Славоград перебил.

– Простите моё недостойное любопытство. Важно, что вы здесь. Пойдёмте.

– Куда?!

– Княгиня ждёт! – он снова поклонился и неторопливо, даже величаво, пошёл вперёд, точнее, назад, откуда прибыл. Зверь затрусил следом, потеряв всякий интерес к пришельцам снизу.

– Вы что-нибудь понимаете? – спросил Макс пришедшую в себя спутницу. – Или это – то, что вы искали?

– Нет. Поверьте, сие – неожиданность и для меня, хотя вполне можно было предположить, что кто-то мог приспособиться к жизни наверху.

– Какая-нибудь секта?

– Не знаю. Но раз уж мы здесь, не зайти ли в гости? Вдруг узнаем что-то интересное? Да и воды у нас совсем не осталось.

– Ну, с водой – то проще, – буркнул Максим. – Пара глубоких вдохов и суточная норма влаги – в организме.

Вверх шли недолго. Только миновали полосу тумана, младший волхв повёл их по широкой, как площадь и длинной, как магистраль ветке.

Дышалось, как ни странно, легко. Даже на огромной высоте Деревья выделяли достаточно кислорода, чтобы не чувствовать дискомфорта. И ожидаемого холода тоже не было. Температура держалась в градусах на двадцати пяти, если верить ощущениям.

Сквозь просветы в огромных листьях густо синело небо, птичий гомон не смолкал ни на секунду, быстрые тени то тут, то там пересекали дорогу и исчезали в зелени, превращаясь в пары любопытных светящихся глаз.

Если не знать заранее, что идёшь по исполинскому дереву, невозможно догадаться, что лесок с кудрявыми берёзками и молодыми елями растёт не на обычной земле, а на нанесённой ветрами в щели в коре, что поднимающиеся скалы – не камень по определению, хотя и значительно крепче.

Здесь даже текла речка, мелковатая, но с чистой сладковатой водой.

– Куда мы идём? – спросил Максим.

– В Посад, – охотно откликнулся Славоград. – Мы там живём.

– Кто это «мы»?

– Люди, – пожал плечами волхв. – Те, которые не захотели воевать с

Лесом, но решили принять его и занять место, которое он

им определит.

– А мы, значит, захотели войны? – полуутверждающе спросил Макс.

– Значит, – пожал плечами волхв.

– Ага. То есть, только агрессор подобно обезьяне или белке не желает жить на дереве? И вообще, когда Деревья растут сквозь города – это нормальное явление и, если так не считаешь, значит – нехороший человек!

– Ты, конечно, слегка утрируешь, но доля истины в твоей тираде есть. Деревья растут там, где хотят. Почему у людей приоритет? Вот ты можешь объяснить?

– А разве человек не вправе так думать? – мягко заметила Весна. – Разве муравей в своём муравейнике не считает себя хозяином мира? Разве волк не считает, что зайцы созданы специально для него, не думая о желаниях самих зайцев?

– Разница в том, что и муравей, и волк, и любое другое существо не пытаются переделать мир под себя, а живут в гармонии с ним.

– Человек – на то и человек, чтобы совершенствоваться самому и совершенствовать ноосферу. Как же иначе? Ведь его видовые потребности неизмеримо выше, чем у любого, самого высокоорганизованного животного. Это неизбежно влечёт некий конфликт, но это ещё не причина для полного уничтожения. Разве природа сама не ошибается? Взять хотя бы лесные пожары или нашествия саранчи и прочих биологических вредителей.

– Природа не ошибается. Она экспериментирует. Мы не вправе судить её или направлять. Мы – её дети, творения, а не повелители.

– Что ж, – вздохнула биологиня, – может, когда-нибудь мы и придём к полному пониманию и компромиссу. Если успеем...

– Вы не устали? – заботливо осведомился волхв. – Можно передохнуть здесь, на берегу ручья. Да, и я мог бы помочь нести вашу ношу. Простите. Не сообразил сразу. Вы увлекли меня занимательным разговором.

– Не стоит беспокоиться, – хмыкнул Максим. – Хотя это так трогательно с вашей стороны по отношению к нам, не обожествляющим матушку-природу и не пришедшим к лозунгу «все – назад, на деревья!», как к жизненному кредо.

– Каждый сам выбирает путь, – вздохнул волхв. – Но ещё не случилось, например, чтобы из Посада кто-то ушёл вниз.

– Это в каком же смысле «вниз»?

– Во всех, – волхв то ли не заметил иронию, то ли сделал вид. – К нам приходят, остаются, живут. Вернуться пока никто не захотел. Мы – не секта, как вы думаете, никого не принуждаем ни к чему, не навязываем никакой веры. Каждый волен поступать сообразно своим принципам. Конечно, они не должны противоречить некоторым неписаным правилам, но таковых немного, и они не идут вразрез с общечеловеческой моралью и этикой. Так что никто не выказывает протеста. Мы живём в гармонии со всем, что нас окружает.

– Это достижимо, стало быть, только на высоте, как я понял? Земля, выходит, не пригодна для проявления высоких духовных качеств. А вот на дерево влезешь, и тут же проникаешься!

– Деревья – не зло, не наказание, а напротив, великий дар! Вам станет ясно позже, почему. Пока могу лишь сказать, что они устраняют ошибки человека в мире...

– И человека, как самую большую из ошибок, – пробурчал Максим.

– Это кто для себя как решит, какую дорогу изберёт.

Путь пролегал с одной ветки на другую, с уровня на уровень, соединённые подвесными мостами, деревянными лестницами, украшенными причудливой резьбой.

Потом стали попадаться дома. Аккуратные избушки, чистенькие, даже какие-то сказочные, окружали садики, утопающие в цветах. Деревья, обычные, не исполинские, яблони и вишни, сгибались под тяжестью спелых плодов.

Разум отказывался верить тому, что видели глаза.

Максим наклонился и зачерпнул в горсть того, в чём росли растения на Деревьях. (Как они вообще ухитрились расти на поверхности, твёрже камня и плотнее свинца?!) Рыхлая чёрная субстанция напоминала, скорее, опилки, чем настоящую землю, однако, деревья чувствовали себя в ней прекрасно. Но откуда же она тут взялась в нужном количестве?

Весна тоже то и дело что-то щупала, рассматривала, соби-

рала образцы в маленькие прозрачные коробочки.

В одном палисаднике работала молодая женщина, за её юбку цеплялся маленький ребёнок. Заметив процессию, она выпрямилась и поклонилась. Волхв ответил ей приветственным жестом с достоинством римского патриция.

Потом дома стали встречаться всё чаще. Они становились крупнее, выше, наряднее, собирались в улицы. И людей становилось больше. Все улыбались и приветливо махали руками. Их лица, открытые, искренние светились добротой и так не были похожи на озабоченные физиономии жителей Города с навечно застывшей усталостью в глазах.

Одеты были просто, но нарядно: сарафаны и рубахи вышиты затейливым орнаментом, украшены бисером. Среди пёстрой, праздничной толпы Максим почувствовал себя несколько неуютно в запылённой куртке и пропитавшейся потом футболке.

На пороге высокого, словно бы вышедшего из сказки терема, их встретил высокий старик в белых одеждах волхва. На верхушке посоха сиял и переливался глубокой синевой драгоценный камень.

Приглядевшись, Максим решил, что волхва старит белая борода, длинные до плеч светлые волосы, но глаза у него вполне молодые, да и кожа, хоть и сухая, и крепкая, но без морщин, чистая, румяная.

Волхв повел носом, принюхиваясь, поморщился, но всё же приветственно кивнул. Слегка.

– Ты свободен, Славоград. А вы, гой еси, добры странники, пожалуйста в терем. Пресветлая княгиня видеть желает, – и добавил, глядя на Максима, – тебя одного.

Макс сузил глаза.

– Подруга твоя тем временем отдохнёт, потрапезничает.

– Если вы причините ей вред...

Волхв удивлённо вскинул брови.

– Мы никому не причиняем вреда. Основа нашей жизни – мир и гармония.

– Не бойтесь за меня, Максим, – улыбнулась Весна. – Я тронута вашей заботой, но...

– Я не за вас боюсь, – хмыкнул Макс. – Этим типам не поздоровится, если вы приведёте в действие арсенал своих штучек!

– И всё-таки, спасибо.

– Да, пожалуйста.

В сопровождении волхва, который держался чуть поодаль и старался не поворачиваться в его сторону, Максим поднялся по широкой лестнице на крыльцо к парадному входу. Прежде, чем войти, провёл рукой по бревенчатой стене, сияющей светлым янтарём. Это действительно было дерево, настоящее, живое. Его энергия теплом разлилась по ладони.

Терем не просто был светлым, он прямо-таки сиял, слов-

но светились стены, потолки, даже пол, но не резко и обжигающе, а мягко, лаская.

Стерильная чистота снова навела Макса на грустные размышления, но он тут же оборвал себя. В гости не напрашивался, а коли уж зазвали, да чуть ли не силой, пусть ценят таким, каков есть.

Пока они шли, волхв учил его правилам поведения в хоромах.

– Волхвам положено кланяться. Перед княгиней – опуститься на колени и ждать пока не разрешит встать...

Аудиенц-зал располагался на втором этаже дворца-терема. Когда они вошли, княгиня стояла у окна, прикрытого тонкой решёткой, скорее декоративного назначения, столь хрупкой казалась.

– Позволь, Пресветлая, предстать пред твои очи! – громко произнёс волхв и подтолкнул сзади Макса, делая грозное лицо. – Ну?!...

Макс пожал плечами и остался стоять. Высокая женщина с царственной гордой осанкой обернулась. Она была красива той красотой, что не ослепляет с первого взгляда, но являет миру ум, доброту, свет души. Тонкие правильные черты лица, гладкая кожа цвета персика, – возраст, однако было определить трудно. Ей могло оказаться и тридцать, и пятьдесят лет, ибо во внимательных, понимающих и в то же время строгих глазах светилась совсем не юношеская мудрость, опыт и затаённая боль.

Одета была в расшитое, как и у других женщин поселения, длинное платье. Волосы скрывал белый тонкий шарф, поверх него – шапочка, отороченная тёмным мехом и украшенная жемчугом.

В целом Максу княгиня понравилась, чего не мог сказать о своём провожатом.

– Здравствуй, – сказала княгиня и улыбнулась.

– Э- э -э... здрассте.

– Хотела взглянуть на тебя перед отъездом.

Она провела ладонью по его щеке.

– Молодой совсем. Я думала ты будешь постарше. Но у тебя мужественное и благородное лицо, это о многом говорит.

– Спасибо, только...

– Я верю в тебя. Мы все верим, – и снова непонятная боль мелькнула в карих глазах. – И желаем тебе удачи.

Княгиня подошла к длинному массивному столу, за которым свободно разместились бы человек пятьдесят пирующих. Время пира видно не пришло, и на столе стоял только один кувшин из черненого серебра и кубок, украшенный чеканкой. Острый сладкий запах разлился по залу, когда полилась медовая струя из кувшина. Женщина протянула кубок Максу.

– Испей из рук моих. Не бойся. Это эликсир жизни.

Максим взял кубок, посмотрел внимательно на княгиню, потом на волхва, стоящего чуть поодаль. И выпил. Залпом,

потому что в горле давно пересохло от жажды.

Ничего страшного не произошло. Отметил про себя, что раз не упал замертво в первую же секунду, значит, не яд. Да и зачем кому-то его травить? Бред какой-то. Паранойя. Стареете что ли, Максим Даниилович?

– Может, свидимся ещё, дай-то Бог, – Княгиня снова провела рукой по его щеке. – Ярогор расскажет тебе всё, что нужно. – Пока же прощай.

С этими словами она вышла.

Волхв низко поклонился и снова украдкой зыркнул на Максима.

– Воистину неисповедимы пути богов! Когда грязному невеже достаётся выбор в великой миссии спасения мира, это навеивает на грустные мысли о судьбе пресловутого мира! – пробурчал он, когда за княгиней закрылась дверь.

– Мне тоже, пожалуй, пора. У вас хорошо, но... Ух, ты! – Макс сделал, было, шаг и едва не упал, так закружилась голова. Успел схватиться за дверной косяк. Волхв крепко взял его под руку.

– Я провожу тебя.

– Куда ещё?

– В твои покои. Отдохнёшь, придёшь в себя.

Максим старался совладать с нарастающим гулом в ушах. Перед глазами всё медленно вращалось и струилось, словно смотрел сквозь стекло, по которому текла вода. В теле полыхал огонь. Издалека доносилось бормотание Ярогора.

– Чести его удостоили царской!.. Своими руками поднесла!.. А кого милостью одарила? Дикаря?! И за что?

– Вы чего-то в питьё добавили? Отравы какой-нибудь? – вместо грозного тона получился шёпот. Ну да ладно, хоть так, а то и вовсе могли голоса лишить. Брёл бы, как покорный бычок на заклание.

– Ну, разве не дикарь? – сокрушался волхв. – Надо же подумать такое?! Отравы! Тебя, сударь мой, удостоили великой милости отведать эликсир жизни! Дабы сил прибавилось, хвори отступили! А он – "отрава"! Да такой "отравы" не каждый герой достаивается, ибо цена оной выше злата, и мало её у нас!

Он толкнул дверь в маленькую комнату, похожую, скорее, на монашескую келью простотой обстановки. Окно, забранное фигурной решёткой, низкая кровать, – больше ничего Максим не успел разглядеть. Лишь только голова коснулась подушки, сознание исчезло в чёрном забытии без снов.

Волхв постоял немного рядом, вздохнул.

– Спаситель, тоже мне! Ну, почивай пока.

Максим проснулся от чьего-то хихиканья и возни. Открыл глаза, сел, вспоминая, где он и как сюда попал. Прислушался к себе. Никаких неприятных вчерашних ощущений не было. Чувствовал он себя отлично, мышцы наполняла сила, взгляд стал зорче.

В комнате, где он ночевал, стояла огромная бадья. Две де-

вушки наполняли её горячей водой, таская деревянные вёдра. Пар поднимался к потолку и собирался там прозрачными облаками.

Девушки поглядывали в сторону Максима и посмеивались.

Макс сообразил вдруг, что на нём нет никакой одежды и завернулся в простыню, под которой спал.

Одна из девиц поклонилась, жестом приглашая его к купанию.

– Прошу, сударь! – и стала намыливать некий лохматый пучок – мочалку, должно быть. Вторая стояла наготове с огромным полотенцем.

– Вы меня мыть собираетесь?!

Придерживая простыню, Макс слез с кровати.

– Идите, я сам всё сделаю.

– Никак не велено, – девица потупила глаза, пряча улыбку.

– Я сказал – сам!

В другое время и при других обстоятельствах он вовсе не был бы против, чтобы юная особа, а ещё лучше две сразу, поухаживали за ним, но сейчас ситуацией он не владел, многое было непонятно, а отдаваться на волю течения не любил и не хотел.

Закрыв глаза, Макс нежился в горячей воде. Когда он мог позволить себе такое удовольствие? Давно. Дома экономил дрова, купался в холодной или чуть тёплой, уже и забыл, насколько приятна горячая ванна! Восхитительно приятна!

Пусть даже и не ванна, тем более не ванна, а бадья. От распаренного дерева идёт смолистый горьковатый запах. Он расслабляет, пьянит слегка...

Погревшись вдоволь, Макс начал отдирать бинты. Засохшая кровь осыпалась бурыми крупинками. От ран, нанесённых когтями жуткого зверя, на плечах остались лишь рубцы.

Он провёл рукой по плечу. Действительно всё зажило. За одну ночь...

Вымывшись, Макс натянул одежду, разложенную тут же на лавке. Всё было выстирано, высушено и пахло какими-то травами.

В дверь просунулась голова их вчерашнего провожатого, как его? – Славограда, кажется.

– Доброе утро! Ты готов? Пожалуй, в трапезную, а после – на совет. Ждут тебя.

– А где Весна?

– Прости?

– Девушка, с которой мы шли.

– О! С ней всё в порядке. Вы ещё увидите. После совета.

Волхвы ждали его в небольшом круглом зале с высокими стрельчатыми окнами. От витражей на полу и стенах играли разноцветные блики. Посреди зала на подставке, похожей на дирижёрский пюпитр, лежал толстенный фолиант, оправленный в кожу, украшенный бронзовыми пластинами. Другой мебели, кроме «пюпитра» в зале не было. Волхвы распо-

ложились вдоль стен широким полукругом; все серьёзные, молчаливые, в правых руках – посохи. Возле фолианта стоял Ярогор.

Лёгкий сквозняк шевелил полы белых одежд и белые волосы волхвов.

– Добрый день, – поздоровался Макс. Ему ответили лёгкими наклонами голов. – Вы хотели мне что-то рассказать?

Конец первой части

Часть вторая

«Станция Семёновская!» – возвестил резковатый женский голос из динамика, и двери поезда метро открылись. Разноцветная и разноликая толпа посыпалась наружу, устремилась к эскалатору. Встречный поток из города слился с ней, перемешал, устремился к перрону, к которому уже подходил следующий поезд, – шла обычная, ничем не примечательная, подземная жизнь города.

Высокий парень подошёл к одной из пустых скамеек, уселся поудобнее, поставив рядом спортивную сумку, надел маленькие наушники и включил плеер.

Он слушал музыку, закрыв глаза и покачивая головой в такт ритму. Неприметный, слегка помятый, мужичонка из тех, что обычно собирают пустые бутылки на вокзалах, сел рядом, дождался поезда и в последнюю минуту устремился к нему, прихватив как бы невзначай сумку любителя музыки.

Однако он не сделал и двух шагов. С воплем, уронив добычу на пол, затряс рукой, приседая и охая.

Очередной вал толпы равнодушно потёк мимо. Один мужчина отделился от общей массы.

– Вам помочь? Что случилось?

– А-а-а! – завывал неудавшийся воришка.

– Это ваше? – мужчина хотел поднять сумку.

– Не трожь! Не трожь! У него там шокер электрический!

Эх, как жажнуло-то! Надо ж так: живых-то людей – током!

Ещё пара человек остановилась, привлечённая воплями и возмущённым тоном собирателя стеклотары.

– Так это не ваше? – начал что-то смекать сердобольный незнакомец.

Мужичонка замолчал и, прижимая к животу пострадавшую руку, быстренько засеменял прочь.

Парень покинул музыкальную нирвану, открыл глаза и глянул на часы. Потом снял наушники, подхватил с пола сумку и зашагал к эскалатору «выход в город».

Ступенькой ниже него на эскалаторе остановился мужчина, ставший невольным свидетелем неудачного похищения.

– Добрый день, – негромко сказал он. – Идея встречи в метро, мне кажется, была не слишком удачной. Чревато нежелательными эксцессами.

– А бывают желательные? – полуобернулся парень.

– Вас могли ограбить.

– Это вряд ли, – парень снова отвернулся.

Молча они доехали до верха, вышли в город, пронизанный сыростью, запахом снега и соли. Парень поёжился от холодного ветра, достал из сумки спортивную шапочку, натянул глубоко, по самые уши. Мужчина успел заметить в его сумке что-то блеснувшее, прежде чем металлическая молния скрыла содержимое.

– Вы – Илья Баринов? – мужчина, дождавшись подтверждающего кивка, протянул ему руку. – Демьянов. Сергей Дмитриевич. Можно просто Сергей. Не такой уж я старый. Пойдёмте, у меня за углом машина. Там поговорим.

Они прошли узкие проходы уличных торговых рядов, где закутанные в платки бабушки предлагали солёные огурцы и квашёную капусту, вышли к дороге, достаточно широкой, но невероятно тесной из-за обилия транспорта.

Мимо потока еле ползущих в пробке автомобилей торжествующе прогромыхал трамвай.

– Сюда, – сказал Демьянов. У обочины был припаркован чёрный «Мерседес» не самой последней модели, но выглядевший солидно и престижно.

– Давайте вашу сумку в багажник.

– Не трогайте её, – предупредил Илья.

– Как скажете. Прошу, – Демьянов открыл перед ним заднюю дверь. – Вы есть не хотите? Я проголодался. Может, заедем в кафе?

Длинноногая официантка с внешностью фотомодели ча-

рующе улыбнулась Демьянову в ответ на его приветственный жест.

– Вам – как обычно?

– Да, Лизонька.

Илья заказал бутылку минеральной воды.

– Вы не стесняйтесь, выбирайте, что хотите. Я угощаю, – Демьянов подвинул ему меню.

– Спасибо, я не голоден.

– Ну, как желаете. А то смотрите. Здесь отлично готовят.

Ему же принесли салат и мясную поджарку в икебанае из овощей. Пока он ел, Илья потягивал минералку и разглядывал потенциального клиента. Лет сорока – сорока пяти, хотя, может, и моложе. Возраста прибавляла седина на висках, скорбные складки в углах губ, да отрешённость какая-то во взгляде – словно гложет его внутренняя боль. А в остальном – вид безупречно-элегантный и деловой. Дорогой костюм, «Мерседес» опять же, – нет простым работягой – тружеником Демьянов явно не был. Впрочем, в Магистрат простые труженики не обращаются. Точнее, обращаются, но настолько редко, что можно не принимать во внимание. Не обращаются не потому, что не о чем попросить. Плата может оказаться слишком высока. Хотя, может, просто живут естественнее, яснее, понятнее? Нет интриг, за которые порой приходится расплачиваться жизнью и не одной? Нет борьбы за власть?..

Или наоборот всё гораздо сложнее, над чем и Магистрат

не властен? А существует ли что-нибудь, с чем Магистрат, могущественная магическая организация, не справился бы?

Покончив с салатом, Демьянов заказал кофе. Фотомодель Лиза поднесла к его сигарете горящую зажигалку и удалась королевской походкой.

Демьянов затянулся, облачко сизоватого дыма поплыло к зеркальному потолку.

– Даже не знаю, с чего начать?.. Вы – правда, Магистр?

Илья отодвинул пустой стакан и спокойно посмотрел на собеседника.

– А как вы думаете? Или в вашем представлении Магистры должны являться в пламени и облаках чёрного дыма?

Демьянов усмехнулся.

– Ну, если бы я знал, не спрашивал. Я никогда не спрашиваю того, что знаю наверняка, даже для завязки разговора. Атрибутика меня не волнует, но вы такой молодой и такой... обыкновенный что ли? В вас можно заподозрить студента, искателя приключений откуда-нибудь из провинции, но никак не колдуна.

– А я и не колдун. Если вам нужен такой, объявлений в газетах предостаточно. Заколдуют и вас, и ваш кошелёк по высшему разряду.

– Для меня разница между колдуном и Магистром не принципиальна. Называйтесь, как хотите, хоть джинном.

– Прежде, чем вы изложите суть вашей просьбы, должен

предупредить о последствиях для вас лично. Магистрат может потребовать всё, что угодно в оплату услуг.

– Мне это известно. Но не жизнь же, в конце концов, вы потребуете?

– Не я, – покачал головой Илья, – Я лишь исполнитель. Рассчитываться будете не со мной.

– Но договор на передачу бессмертной души придётся заключать с вами? – Демьянов глянул насмешливо и вновь выпустил в потолок струю дыма.

– Душа ваша мне не нужна. А договор будет считаться вступившим в силу, как только вы начнёте говорить по делу.

Демьянов тщательно загасил сигарету в хрустальной пепельнице.

– Мне нужна Книга, – сказал тихо, как бы самому себе. Поднял глаза на Илью. – Если вы – действительно Магистр, знаете, о какой Книге идёт речь.

– Хм! – покачал головой Илья. – Не тривиальное желание. Вам известно, что смертным нет доступа к Книге?

– Если бы можно было её взять в библиотеке, я не стал бы обращаться в вашу дьявольскую организацию! Разумеется, знаю!

– Я не так выразился. Смертным нельзя читать Книгу.

– Я не собираюсь её читать. Меня не интересуют судьбы ни мира, ни его обитателей. Ни даже моя. Я ничего не хочу знать. Предпочитаю тешить себя иллюзией, что от меня самого, от моей воли, хоть что-то да зависит.

– Тогда зачем?

– Хочу кое-что вписать туда.

– В Книгу Судеб нельзя ничего вписать.

– В нашу – да. Но ведь наша не единственная. Есть другие миры. Стоит перенести сюда Книгу какого-нибудь мира, её содержание исчезнет, и на чистых страницах можно написать то, что воплотится потом здесь. Как видите, я о многом осведомлён.

– Пожалуй, – кивнул Илья. – А о том, чем чреваты ваши действия для пресловутого другого мира, вы тоже осведомлены?

– А вот это уж не моя забота. Проблему решать вам. Это для вашего брата нет границ между измерениями, в отличие от нас, смертных и убогих. Найдите необитаемый мир, наконец.

– Необитаемых миров нет.

– Ну, найдите какой-нибудь на грани катастрофы, который всё равно погибнет, с Книгой или без... Придумайте. Я не должен вам советовать.

– Скажите, Сергей, проблему можно решить только таким, радикальным путём? Я ведь могу помочь вам и без Книги Судеб.

– Достаньте мне её, – устало произнёс Демьянов. – Я не сомневаюсь в ваших способностях, но мне нужна Книга.

– Это последнее слово?

– Да.

– Договор заключён, – Илья встал и протянул руку Демьянову. Тот пожал её и вскрикнул от неожиданности, получив словно удар током.

– Чёрт! Что это?

– Простая формальность. Прошу извинить.

Илья вскинул на плечо свою сумку, что до сих пор стояла рядом с его стулом.

– Когда вас теперь ждать? Или куда прийти? – Демьянов мрачно смотрел на Магистра.

– Вы получите, что просите. В ближайшее время. Меня искать не надо. Прощайте.

– Подождите. – Он достал из внутреннего кармана конверт, бросил на стол. – Здесь пять тысяч. Возьмите.

– Я же сказал, что расплачиваться будете не со мной.

– Да знаю я, знаю, – поморщился бизнесмен. – Это лично вам на текущие расходы. Ну, транспорт, например... Ездите же вы на чём-то?

Илья обошёл стол и приблизился вплотную к заказчику.

– Договор заключён, и я обязан его выполнить. Но вы, – слышите? – именно вы минуту назад обрekli на смерть целый мир. Пусть за минуту до его всё равно неизбежной гибели, но эта минута теперь на вашей совести. И никакими тысячами от неё не откупиться!

– Да что вы знаете о жизни и о смерти? – Демьянов достал из портсигара новую сигарету. – Для этого ведь надо быть человеком!

Не глядя больше на него, Илья вышел из ресторанчика.

* * *

– Известно ли тебе, что такое Книга? – Ярогор ходил взад-вперёд по залу, не глядя на Максима. Остальные волхвы всё так же неподвижно стояли вдоль стены.

– Впрочем, откуда тебе это может быть известно?

– Я что, по-вашему, вчера из пещеры? Не имею понятия о книгах?

– Не о твоём невежестве речь, – миролюбиво заметил волхв. – По молодости своей ты ещё много чего не познал в жизни, но есть вещи, о которых не дано знать и мудрецам. О Книге я спросил, согласно ритуалу для посвящённых. Хотя ты и не являешься таковым в полной мере, от тебя зависит многое, если не сказать – всё... Да. Вот так, – некоторое время он ходил молча.

– Послушайте, уважаемый... э-э-э, как вас там? Кудесник. Мне дела нет до ваших тайн. Храните их для более достойных, чем дикарь, обитающий внизу, на грязной земле в отличие от вас, почти небожителей. Вы тут построили у себя монархическую утопию, и думаете, что любой, попавший в ваш рай, разомлеет от восторга и склонится перед вашей мудростью и предприимчивостью. Но хотя внизу у нас несколько иная жизнь, нам много чего не хватает, много проблем требуют решения, не такие уж мы дикари. И среди нас много

достойных и умных людей, которые делают всё, чтобы помочь и защитить более слабых, чтобы облегчить жизнь.

Волхв остановился и удивлённо вскинул брови.

– В твоих речах решительность и гордость человека, знающего себе цену! Это хорошо, – и он возобновил своё дефиле по залу. – Да, мы нашли общий язык с Деревьями. Они дают нам пищу, кров, дают всё, что необходимо для жизни. Они могли бы помочь и вам, но вы желаете не слушать, а Противостоять. Это ваш выбор. Вы понимаете, что проигрываете сражение, но продолжаете бороться, не желая видеть иного пути, иного выхода. Подобное упорство при других обстоятельствах могло бы вызвать восхищение... Да. Но речь сейчас не о том. На волоске судьба мира. Нашего мира, где живёте и вы, и мы. Не имеет смысла спор о том, кто победитель, кто нет. Сейчас все в равных условиях.

Некоторое время он ходил молча. Глухой стук посоха вторил неторопливым шагам.

– В любом мире, – глухо продолжил, наконец, волхв, – есть священная Книга, на которую занесены судьбы всего живого и сущего в нём. Мы называем её Скрижаль. Хоть она и не из камня, но несёт божественную мудрость и откровение.

Без Скрижали мир существовать не может, как не может существовать и после её изъятия. Простому смертному до неё не добраться, но в Мироздании не всё устроено просто и понятно. Есть силы, природу которых понять нам не дано.

Пока не дано или вообще – не могу сказать. Они есть, эти силы, и противостоять им невозможно, но можно подкорректировать результат их воздействия. В этом и состоит надежда, единственная, слабенькая, однако, рассчитывать больше не на что.

Когда исчезнет наша Скрижаль, у тебя будет десять дней, чтобы её вернуть...

– Подождите – подождите! Давайте по-порядку. Значит, в нашем мире есть некий таинственный папирус с описанием судеб?

Взгляд волхва невольно переместился на книгу на подставке.

– Это он? То есть, она, та самая Скрижаль? – Макс подошёл ближе.

– Не трогай! – предупредил волхв. – Непосвящённому нельзя касаться. Это опасно для жизни.

Огромный и толстенный том, оправленный в кожу и бронзу, весь был покрыт какими-то письменами. Они текли, струились по рифлёной поверхности обложки, тускло мерцали. От книги шло тепло, доброе, домашнее. Присутствие её наполняло спокойствием, ощущением равновесия и скрытой могучей силы.

– Здесь хранится судьба всего нашего мира, – волхв подошёл с другой стороны и благоговейно погладил витой корешок книги.

– И что же с ней будет? Я имею в виду – с книгой.

– Скрижаль будет перемещена в иную плоскость бытия.

– Как это? И при чём тут я?

– Как это произойдёт, мы скоро увидим. Ты же отправишься вслед за похитителем по его следу, дабы вернуть на место нашу святыню.

– Не понял. Вы что собираетесь сидеть и спокойно ждать, пока вашу бесценную книгу не украдут?!

– Увы, ты прав. Мы будем просто ждать, но лишь потому, что всё предрешено. Изменить ничего нельзя.

– Странная какая-то у вас позиция. Минуту назад вы сыпали упрёками в адрес живущих внизу за их пассивность, за нежелание искать выход из сложной ситуации, а сами спокойно сложили ручки в ожидании неприятностей?

Волхв устало вздохнул. Какой же он бестолковый, этот парень!

– От нас в данном случае ничего не зависит. Мы не можем просто спрятать Скрижаль, закопать или замуровать. Где бы она ни была, всё равно похититель найдёт, поскольку настроен на неё. Я ведь говорил, что мы, к сожалению, владем слишком малым, чтобы помешать могучим силам. Но нашей власти хватит, чтобы удержать след, по которому ты сможешь пойти.

– Куда?! Куда, по-вашему, я должен отправиться?!

– Если бы мы знали... – волхв подошёл к окну. Солнечные лучи, проникающие сквозь разноцветные витражи, превратили его белый балахон в подобие клоунского наряда. Но

смешно почему-то не было. Было грустно. И очень тихо.

– Да. Если бы мы знали, могли бы лучше подготовить тебя. Но, по крайней мере, ты получил эликсир жизни, который заживляет раны, помогает справляться с болезнями, обостряет зрение и слух. Только действие его недолговечно и прекратится на десятый день, но больше и не потребуется.

– А если в конце пути вообще нет воздуха? Или температура градусов пятьсот? Или то будет мир одной воды без суши?

– Не стану обнадеживать, всё может быть. Всё может случиться. Но выбора нет ни у тебя, ни у нас.

– Но почему я? Разве среди вас не нашлось никого, достойного великой миссии? Никого, вооружённого знаниями, магией может быть? Или нет достаточно смелого, готового взять на себя ответственность за спасение мира?

– Выбор не случаен. Есть у нас и достойные, и мудрые, и ответственные. Есть те, кто умолял послать их, а не пришельца. Мы не столь уж слабы и беспомощны, как ты думаешь! Но есть несколько «но». Одно из них – запись в Скрижали о том, что охотник, явившийся из страны внизу, изменит судьбу мира.

– Я предполагал, – кивнул Максим, – что вы почитываете, время от времени эту книжицу. Кто же удержится от соблазна узнать судьбу? Избранные! Посвящённые! Простому смертному – не тронь! А вот вам – совсем другое дело!

– Да, – согласился волхв, – Мы – Посвящённые. Ноша эта

нелегка, поверь. Мало кто желает идти в волхвы, даже имея природный дар, ибо доля наша связана с отказом от многого, что доступно обычным людям и любимо ими. Мы читаем Скрижаль. Ты прав. Иногда в судьбоносное время, в трудное время, мы читаем её. Там ответы на многие вопросы. Это благо, но и большая ответственность. Мы не принимаем за людей решения, не управляем судьбами. Не уподобляемся Богу. Каждый вправе поступать так, как велят сердце и разум. Мы лишь даём советы...

Но сейчас другой случай. Никто не заставит тебя силой пойти и вернуть Скрижаль, но, если откажешься, мир исчезнет. Готов ли ты взять на свою совесть миллионы жизней?

* * *

«На дальней станции сойду. Трава – по пояс!..» – соловьём заливался певец, ещё вчера популярный. Сегодня же записи его охотно транслировала только радиостанция со словом «ретро» в названии.

Илья чуть усмехнулся. Пейзаж за окном пусть не скорого поезда, а всего лишь пригородной электрички резко контрастировал со словами песни: глубокие сугробы местами полностью скрыли кустарники нижнего яруса леса. На ветвях елей и сосен, пригибая их к земле, лежал густой пушистый снег.

Ватага молодых людей с рюкзаками, лыжами и радиопри-

ёмником весело галдела за пару рядов от Ильи. Больше, кроме них, никого в вагоне не было. Не очень-то рвалось городское население в холодный декабрьский вечер на природу.

– Парень, закурить не найдётся? – один юнец лет пятнадцати подошёл к нему. Илья полез в карман, шевельнул пальцами в магическом знаке и достал пачку «Кэмэла», ничем не отличающуюся от настоящей, но совершенно для организма безвредную.

– Держи. Бери всю, у меня есть.

– Спасибо, – мальчишка явно остался доволен.

– Далеко собрались, ребята?

– На турбазу «Лесной приют». Здесь недалеко.

– Я знаю, где это. Остановки три ещё ехать.

– Не, мы тут выйдем, и – через лес. Так ближе.

– Вряд ли, – покачал головой Илья, – Быстрее не получится. Здесь граница Заповедного леса.

– Ну и что? – удивился пацан. – Мы не браконьеры, зверей стрелять не собираемся. Просто пройдем напрямик. Это не запрещается.

– Что ж, – не стал спорить Илья. – Удачи вам.

Вышли они из вагона все вместе.

– Постарайтесь, хотя бы держаться края, – посоветовал Илья. – Не заходите далеко.

Весёлая ватага разобрала лыжи и, сверившись по компасу, покатила вглубь леса. Ил покачал головой и пошёл в другую сторону, где у самой границы, отмеченной огромными вели-

чавыми елями, приютился небольшой деревянный особнячок, обнесённый скромным штакетником, не в пример высящимся километром дальше массивным кирпичным забором.

Толкнул калитку. Пожилая женщина в шубе, платке и валенках чистила дорожку к дому снеговой лопаткой.

– Здорово, мать. С чего это ты занялась таким неблагодарным трудом? Дунула бы разочек, ни снежинки бы не осталось.

Женщина глянула на него из-под низко надвинутого платка, ничего не сказала и продолжила грести снег. Илья терпеливо ждал возле калитки.

Отставив, наконец, лопату, дама прошлась метёлкой по чистой дорожке, приводя последнюю в идеальный порядок.

– Ну? – строго спросила, отряхивая снег с рукавичек. – Чего надо?

– Ягулечка, я замёрз. Давай в доме поговорим.

– А кто ты таков есть, чтобы я тебя в дом пускала?

Илья устало вздохнул, но произнёс-таки длинную фразу-пароль. Лицо женщины смягчилось.

– Так бы и давно. И необязательно было мёрзнуть, коли бы сразу всё сказал. Пойдём. Лопату захвати. В сенях поставишь.

– Нет, вот ты ответь, – Илья пристроил лопату и вошёл в просторную комнату, – бюрократия – это последнее твоё хобби или часть профессии?

– Что тебе не нравится? – дама вошла следом. Вместо старой неказистой шубы на ней был розовый мохеровый пуловер и кожаная юбка – мини. Модная короткая стрижка переливалась совершенно невероятным, густо-лиловым цветом. Илья улыбнулся.

– Ну, ты даёшь, мать! А чего же валенки не сняла? Они как-то не вяжутся с твоим супер обликом.

– Ноги, – пожаловалась Яга – А бюрократия не бюрократия, порядок должен быть.

– Американское кино, да и только!

– А ну тебя, – махнула рукой Яга. – Не я придумала. Самому и жалуйся, коли недоволен. Чаю будешь?

– Нет, спасибо. Мне бы дотемна добраться. Ключ нужен.

– Вот всегда так! – Яга пошарила в кладовке. – Вспоминают, только когда нужна. А просто так в гости зайти – не дождёшься.

– К тебе зайдёшь! – хмыкнул Илья. – И лопатой получишь! Снеговой!

– Лопата – это так, для гимнастики, для разминки, – Яга явно не расслышала всей фразы. – Не всё ж за работой сидеть! Хотя и дел хватает. Вон, час назад сигнал был: границу леса нарушили! Непорядок!

– Пацаны молодые совсем на турбазу пошли. Не трогала бы ты их.

– Порядок для всех един! Не положено, значит, не положено.

Яга вынырнула из кладовки с длинной палкой, покрытой засохшей мелкой хвоей.

– Погуляют до утра вокруг старого пенька, в следующий раз не сунутся.

– Замёрзнут! А с ними две девушки.

– Ладно, – смягчилась Яга. – До утра не буду держать. Дойдут затемно. Но поугагать придётся, чтобы впредь неповадно было. Ты ведь наверняка предупредил?

– Конечно.

– И указатели всюду расставлены... Держи вот. Еловый! – Яга протянула ему палку. – Дух-то, какой! Дух! Понюхай! Парфюм настоящий, природный! Не химия какая-нибудь!

– Благодарствуйте, Яга-бабушка, – поклонился Илья.

– Ну, какая я тебе бабушка?! – полушутя рассердилась Яга. – Ко мне вон на днях свататься приезжали. Олигарх один. Жизни, говорит, без тебя не мыслю! Всё богатство к твоим ногам брошу!

– А ты его – лопатой! – расхохотался Ил. – Он же пароль не знает!

– Ничего-то ты не понимаешь! – Яга мечтательно вздохнула. – Разве ж можно лопатой, когда в любви объясняются? Не романтичный ты.

– Ладно. Мне пора.

– Раз чаю не хочешь...

– Счастливо оставаться. Да, совсем забыл! – Илья полез в сумку и достал прозрачный пакет с чем-то белоснежным,

невесомо пушистым. – Это тебе. Настоящий, оренбургский, сквозь кольцо можно протянуть.

Увязая по колено в снегу, Илья пробирался по лесу и жалел, что не догадался попросить у Яги лыжи.

Небо затягивала плотная, беловатая туча. Скоро из неё посыпались крупные пушистые хлопья предновогоднего снега. Смыкающиеся высоко вверху ветви елей, густо покрытые тяжёлым снегом, образовали подобие туннеля, отчего, несмотря на холод, было уютно и сказочно. Тишина, ничем не нарушаемая, придавала пейзажу величие.

Примерно через час, когда заметно стемнело. Илья вышел, наконец, на широкую поляну, ничем не примечательную среди прочих, кроме огромного, в рост человека, камня. На одной из его граней, гладко стёсанной, ещё можно было прочесть остатки надписи, не тронутые временем «ПОЙДЁШЬ НАПРАВО...». Расчистив перед камнем снег, у самого основания, где соединились две линии, указывая некую точку, Илья воткнул еловый ключ. От камня сразу побежала тонкой нитью извилистая дорожка. Подождав пару минут, Илья вытащил ключ и пошёл по направлению, указанному волшебным клубочком, что катился уже далеко впереди.

Первый Барьер был на месте. Зря надеялся... Ну что ж. Постараемся потихоньку, потихоньку, а вдруг получится, не нашуметь?..

Не получилось. С ветки сорвалась птица, обрушив вниз ком снега, а по лесу покати́лась волна, беззвучная, неосязаемая человеком, но прекрасно слы́шная всем остальным обитателям Заповедной зоны. «Тревога! Тревога! – понеслось по лесу во все стороны. – Нарушена Граница!»

Ну и ладно, решил Ил. Не получилось, так не получилось. И двинулся напролом, набрав в грудь побольше воздуха и приготовившись к неприятным ощущениям.

Он много раз проходил сквозь барьеры, но по возможности старался избегать их: не мог, ну, не получалось привыкнуть к глухой тоске, к слабости и боли в суставах, к совершенно диким желаниям, вроде воя на луну. Всё моментально исчезало, как только кончался барьер, но ведь до него ещё надо дойти, до конца, то есть.

Колдовская дорожка – ей-то хоть бы что! – упрямо бежала вперёд, не замечая никаких препятствий: ни деревьев, ни ям, скрытых сугробами, ни каких-то там барьеров...

Он отряхнул снег с сапог, поднялся по скрипучим ступенькам на высокое крыльцо, толкнул массивную дверь.

В горнице слышались голоса, кто-то оживлённо спорил, но, когда Илья вошёл, за столом возле большой русской печи, украшенной изразцами, сидел один старик. Сухонький, шупленький, с торчащей в разные стороны седой бородой, он сказочным видом своим вызывал лишь умильную улыбку. И никто из людей, кроме знающих его, конечно, не мог

заподозрить в смешном дедушке могущественного Хозяина леса.

– Здорово, Осинич! – Илья бросил свою сумку на лавку, переведя дух, сел рядом. От его ладоней шёл пар.

– И ты здоров будь, добрый молодец, Илья Муромец, – отозвался старичок. – Садись, почаявничаем. С дороги притомился, поди? Думал, не увидимся, потом слышу – идёшь! Эх, тебя разгорячило-то!

– А что ж ты, дед, если слышал, барьеры не убрал?

– Ох, батюшки! – всплеснул руками Осинич, – не сообразил! Запомятовал. Ты уж прости старика.

– Ладно, – устало вздохнул Ил. – Проехали. А вот насчёт «запомятовал», другому кому-нибудь сказки рассказывай. Твоей памяти любой молодой позавидует.

– Выходи, Никодим. Свои!

Из-за огромного круглого самовара степенно вышел человек, ростом не более полуметра. Как и Осинич, он имел густую растительность на лице, но его борода была аккуратно расчёсана и цвет имела не седой, а густо-каштановый. Никодим явно был моложе. На пару веков...

Человек сел на чурочку на столе, поставленную для него. На такую же, но повыше, поставил чашку с блюдцем, опять же подходящим по размеру. Глянул из-под косматых бровей на гостя.

– Хоть бы ты, Муромец, повлиял на этого старого вреднюку!

– А что такое?

– Я ведь домовой, а не наездник! Мне для работы покой требуется, тишина, сосредоточенность. А о каком покое и тишине может идти речь, если мало того, что этот пень замшелый целыми днями по лесу шныряет, так он ещё и избу за собой таскает!

– А что ж, – подбоченился Осинич, – я должен, как волк под кустом ночевать что ли? Старый березняк подправить надо? А стволов, поваленных сколь лежит! И у кромки бора ели сохнуть стали. Фон, значитца, проверить на радиацию придётся. Делов-то не меряно!

– Помочь?

– Справлюсь я, Муромец. Первый день, что ль на посту?

– Вот и поговори с ним, – вздохнул Никодим, налил чаю в блюдце, подул и с шумом выпил.

– Я, вообще-то, проститься зашёл.

– Куда на сей раз посылают? – Осинич налил чая в большую цветастую кружку, протянул Илу.

– Папаша один дочь ищет.

– А кроме тебя сыщиков нет больше? Попроще, да пониже рангом.

– Дочурка исчезла из запертой комнаты. Замки целы, окно не открывалось... Полиция разводит руками. Папаша в отчаянии: единственное дитя!

– И что? След нашёл?

– Почти сразу, но попутешествовать придётся.

– Далеко?

– Да. И надолго, боюсь.

– Поэтому на душе кошки скребут?

– Заметил?

– Кошек-то? Сразу, как вошёл. Только, чего печалиться?

Дело-то благородное! Человека спасти!

– Одного спасти, а миллионы других... – Ил закинул руки за голову, и устало вздохнул. – Паршивая у меня работа, Осинич. Для неё одно главное качество требуется – хладнокровие. А чего нет, того нет. Ведь по большому счёту от меня лично ничего не зависит. Я не могу не выполнить договор, отказать не могу, если клиент сказал «да». Выбора нет, а что-то внутри всё равно гложет, говорит, не обманываешь ли, мол, самого себя? Прикрываешься запретами, а на деле просто боишься воспротивиться?..

– Это «что-то» – уж не совесть ли?

– Нет такого понятия для Магистра, – грустно улыбнулся Илья. – Если начнёшь задумываться о критериях истины, о том, кому добро несёшь, а кому наоборот, у кого приоритет, а кто и подождать может... Кто это знает? Кто ответственность возьмёт? Нет, Осинич, не положено нам совесть иметь! А кошки на душе скребутся. Им почему-то всё равно.

Илья встал.

– Ну ладно. Спасибо за чай. Пойду, пожалуй. Быстрее уйду, быстрее вернусь. Повидал друзей, всё легче на душе.

Илья обнял Осинича, осторожно пожал ладошку Никоди-

му.

– Ну, бывай, Муромец! Удачи тебе!

* * *

Максим выбрался из сугроба, в который угодил так внезапно, что даже не успел сгруппироваться перед падением. Не ожидал, что перенос будет столь стремительным. И не ожидал, что попадёт в довольно холодную зиму. Дома о таковой знал лишь понаслышке, да из книг, которым не то, что бы совсем не верил, но считал всегда несущими некую долю преувеличения. Зима – это раскисшие от грязи дороги, слякоть, липкая крупа с неба. Иногда – слегка припорошенные белым крыши домов да листва Деревьев. Так что ощущения от совсем иной зимы были внове. Но это ладно. Главное – сориентироваться; куда попал-то? Огляделся. Вокруг лес. Сосны, берёзы, ничего необычного. Уже хорошо. Теперь найти бы кого-нибудь из местных обитателей, расспросить. Должны же здесь быть люди? Лесным зверям Книга без надобности.

Отряхнул снег с головы, с куртки, нашарил рюкзак, винтовку и, с непривычки то и дело проваливаясь по колено, а местами и по пояс в сугробы, взял направление на небольшую полянку меж деревьев. На полянке уютно расположилась сказочная избушка, небольшая аккуратная, украшенная затейливой резьбой. Ноздри уловили запах горящих

дров. Печь растопили недавно, значит, хозяйева или дома, или неподалёку. И еда какая-то в печке томится – аромат слабый, но ощутимый для тренированного нюха Патрульного.

Холод давал о себе знать. Тонкая летняя куртка не держала тепло, и улетучивалось оно весьма быстро. Макс подышал на руки, потом энергично растёр, но пальцы всё равно немели. Он старался не думать о том, что в избушке может никого не оказаться, несмотря на все признаки – чужой мир всё-таки; а дверь – не поддаётся попыткам открыть её: даже на вид крепка и добротна. Гнал от себя мысли о провале миссии в самом начале, провале не из-за драк с колдунами и монстрами (пасть в неравной битве, по крайней мере, благородно), а по-глупому замёрзнув в лесу. В лесу, где он провёл пол жизни! Пусть не в этом, чертовски холодном, но в лесу же! Нет, не может провидение так посмеяться над ним! Во всяком случае, просто сдаться он не намерен! Увидим ещё, кто кого!

Снег возле избушки на небольшом пяточке был утоптан, крыльцо чистое, выметенное. Рядом со ступеньками стояла метёлочка для очистки обуви.

Изнутри доносилась тихая музыка: кто-то играл на гармошке.

Макс постучал. Музыка тотчас смолкла, но открывать дверь не спешили. Макс подышал на пальцы и постучал снова.

– Кто там? – отозвались из избушки густым басом.

– Путник.

– Никого нет дома. Иди себе дальше.

– Откройте, пожалуйста. Я издалека и замёрз. Мне нужна помощь.

– А мне что? Говорю же нет хозяина! Будет нескоро. Уходи.

– А ты кто? Хозяйский пёс что ли? Говорящий?

Снова тихонько заиграла гармошка.

– Чёрт, – выругался Максим и пнул дверь ногой.

– Не чёрт, – тут же отозвался хозяин баса. – Домовой я. Должен порядок в доме блюсти, покуда хозяин в отлучке. А незваный гость, – какой же это порядок? Не могу пустить. Извини.

Макс достал из рюкзака топорик и, оставив вещи на крыльце, снова полез в сугробы, выбирая дерево потоньше. Походный топорик толстый ствол не возьмёт. Он срубил небольшую ёлочку, приволок её к избушке. Снова погрел немного пальцы под мышками, хотя боли от холода уже почти не чувствовал. Достал из рюкзака спички. Огонь никак не хотел разгораться. Возле крыльца Макс заметил воткнутую в снег сухую палку, разломал её на части, бросил на заготовку для костра. Первые огоньки затрепетали на сухом дереве, тепло заструилось, побеждая мороз.

Вода успела замёрзнуть, и Макс положил фляжку поближе к огню, потом достал брикет, отломил кусочек, остаток убрал в рюкзак.

Дверь избушки чуть-чуть приотворилась. Маленький бородатый человечек, не более полуметра ростом, осторожно выглянул наружу.

– Человек? – задумчиво спросил он.

Макс оглянулся.

– Сумеречник! Не видишь, щупальца грею?

– А как ты барьеры прошёл?

– Барьеры! Что ты знаешь о Барьерах? – пробурчал Макс.

Он потрогал фляжку. Та достаточно нагрелась. Отхлебнул глоток тёплой воды.

– Долго сидеть собираешься?

– Подожду хозяина. Придёт когда-нибудь. Да и ненадолго он ушёл.

– Почём знаешь? – подозрительно поинтересовался человечек.

Максим не ответил.

– Ключ – то зачем сжёт?.. Ладно. Заходи.

– Садись, вот, ближе к печке. Я – Никодим Осипович. А тебя звать как?

– Максим.

– Сейчас чаю приготовлю... Рыбу будешь есть, Максим?

Ушица хороша у нас!

– Спасибо, я уже обедал.

– Да видел я. Дрянь какую-то прости, Господи, жевал.

– Это не дрянь, а брикет.

– Брикет, крокет, – всё одно. Пихаете в себя синтетику, откуда здоровью взяться? Хилые все и тощие.

Ушица пахла необычайно аппетитно. Толстый ломоть свежего хлеба тоже не выглядел подозрительно, как и густая сметана в деревянной чашке. «Ну, двум смертям не бывать...» – подумал Макс и взял ложку.

В дополнение к обеду домовый принёс маленькую миску с топлёным салом.

– Вот, это медвежий жир. Разотри ноги и руки. Носки возьми на полке рядом с лавкой... Ага, эти. И рукавицы там же. Одевай всё. От обморожения – первейшее дело медвежий жир и тепло! Ты что-то больно легко оделся на прогулку по лесу.

От тепла и сытной горячей еды потянуло в сон. Убаюкивало и мерное бормотание домового, который разговаривал сам с собой, не нуждаясь в ответах гостя.

Из дремоты выдернул шум и свист снаружи. Макс глянул в окно. Белый смерч кружил вокруг избышки.

– Вот и хозяин, – удовлетворённо крикнул домовый.

Дверь распахнулась. Холодное колючее снежное облако ворвалось внутрь.

– Ну-ну, полегче, полегче! Чай не лето на дворе! – прикрикнул Никодим. Спрыгнув с лавки, засеменял к двери и прикрыл её.

Облако рассеялось. Посреди комнаты стоял невысокий старичок. Он снял полушубок, аккуратно повесил на гвоз-

дик у двери. Туда же пристроил шапку-ушанку.

– А вот и гость, – глянул на Максима из-под косматых бровей, ничуть, похоже, не удивившись. – Ну, здравствуй, здравствуй!.. Никодим! Самоварчик поставь. Притомился я слегка, а нам с гостем долгий разговор предстоит. За чайком-то оно легче.

– Ты что, знал? – открыл рот домовой. – Про гостя?

– А то нет! Должен я знать, что в лесу делается?

– Чего ж не предупредил, пень старый?! А я человека на морозе держал!

– Да понимаешь, – почесал в затылке старичок, – не поверил я поначалу-то.

– Что человек не поверил?

– И это тож. Одет должен быть странно – вот чему не поверил. На дурака, вроде, не похож, а в кроссовках по сугробам, да в мороз – это на грустные мысли наводит

Он глянул на мокрую обувь гостя, которую Никодим заботливо пристроил сушиться у печки, потом перевёл взгляд на Максима. Повёл носом.

– Баюн-трава. В наших лесах её уж лет сто как нет, а от гостя баюн-травой пахнет. Нет, Никодим, не простой человек к нам пожаловал!.. Будем знакомиться? – он протянул гостю руку. – Осинич. Хозяин леса я. Леший, значитца.

– Максим Селиванов, – Макс пожал неожиданно сильную сухую ладонь старика.

– Ну, рассказывай, Максим Селиванов, как, а главное –

зачем ты тут появился?

* * *

Макс рассказал всё, с самого начала, с момента встречи с Весной. Таиться смысла не было, тем более что попал он не к простым людям, это ясно, и попал, судя по всему, не случайно.

Слушали его очень внимательно. Никодим даже забыл про свой любимый чай, который так и высох налитый в блюдец.

– Чудны деяния твои, Господи, – покачал головой Осинич, когда Макс закончил. – Никогда ничего подобного не слышал.

– Вы мне не верите?

– И хотел бы не поверить, да не выходит! ... Я думаю, чем тебе помочь, – Осинич запустил пятерню в густую седую шевелюру. – И почему тебя в мой лес выбросило? Книги вашей тут нет, в лесу, стало быть. Я бы почувял.

– А что тут думать? – Никодим с сожалением глянул на блюдце, потом обнял ладошками самовар, дунул в блестящий золотистый бок, и самовар запыхтел горячим паром, брызнул на цветастую скатерть каплями кипятка.

– Что думать, говорю, – повторил домовой, наливая новую порцию свежего чая, – Надо Кешу звать. По части загадок он у нас главный. И умом бог не обидел.

– Ты на что это намекаешь, клоп бородатый?!

– Полегче, полегче! – Никодим явно не испугался праведного хозяйского гнева. – А то сам не знаешь?

– Да, – Осинич сник так же быстро, как вспылит. – Моя власть – в лесу ёлками командовать, да пням приказы отдавать. А Иннокентий, вот, можно сказать в люди выбился.

– Каждому – своё, – философски заметил домовый, отхлёбывая из блюда. – Молодым расти, старикам направлять. Давно ли Кеша по горам носился, аки угорелый, ничем кроме девок да золота не интересовался? Кто его на путь наставил? В университет определил? А что способный оказался, так проку от его талантов, коли б остались в земле зарытыми?

– Верно, – кивнул леший. – Мы ещё – ого! Да и с ёлками тож уметь надо разговаривать! А с Кешей посоветуемся.

Из кучи хвороста возле печки он вытащил длинную толстую суковатую палку, ножом заточил её конец, наподобие острия копья.

– Слушай меня, Максим. Вот эта палка – лесной ключ. Как с крыльца спустишься, воткни её стоймя в снег поглубже, чтобы прочно стояла. От ключа побежит дорожка. Иди по ней, да не сворачивай и в стороны не наступай. Строго по линии иди, тогда не замёрзнешь. Выведет дорожка на шоссе, где тебя встретит наш коллега и друг Иннокентий Щеев. Я его предупрежу. Он у нас житель городской, возможностей поболее имеет, может, чего придумает. Обязательно придумает! Мы с Никодимом тож покумекаем. Если что, свяжем-

ся... Да, бердыш – то спрячь.

– Бердыш?

– Ну, ружьё, ружьё. Хочешь, здесь оставь. Будет в сохранности, не переживай. А то по городам у нас с оружием нельзя ходить.

– Ага, – хохотнул домовой, – Если под полой не помещается!.. Что же ты, на ночь глядя, человека посылаешь? Пусть уж до утра подождёт.

– Нет, – отозвался Максим, натягивая высохшие кроссовки – У меня и так мало времени. Спасибо вам за всё.

– Барьеры не забудь снять, – напомнил Никодим.

– Не забуду, – отозвался Осинич.

– От кого вы отгораживаетесь? – спросил Макс. – От людей? Вы конфликтуете с людьми?

– Не с людьми. – Проворчал Никодим. – С консервными банками, с поли... полити. , ...оновыми пакетами, с прочим мусором и грабежом. Это наши проблемы, тебе не интересно.

– Проблемы, как раз не чужие. Может, вместе и нашли бы выход? И вы и мы? И не зря я попал именно к вам?..

Когда Макс выбрался на дорогу, стемнело. Пустынное, чёрное шоссе рассекало лес и, плавно изгибаясь, убегало за горизонт.

Волшебная дорожка остановилась на границе асфальта, и только Максим ступил с неё на твёрдую укатанную поверх-

ность, холод снова обрушился всей своей зимней мощью.

Куда идти? Макс постоял немного и пошёл в сторону, где над лесом небо тускло светилось отблесками уличного освещения города. Минут через десять яркий свет фар сзади заставил его остановиться. Он оглянулся и заслонился рукой от слишком ярких огней.

– Максим? – услышал он чей-то голос. – Садись!

Дверца машины открылась. Макс уселся на переднее сиденье, мягкое, низкое, повторяющее контуры тела и оттого непривычно удобное, гораздо удобнее скамеек в патрульных грузовиках. Да что там! Никакого сравнения!

– Пристегнись!.. Вот ремень. Защёлкни здесь...

Мотор мягко заурчал, и машина плавно тронулась. В салоне было тепло, уютно, негромко играла музыка. Макс изо всех сил старался не показать ошеломления роскошью и необычностью техники. В конце концов, если непривычно ему, провинциалу, не значит, что в его мире нет ничего подобного где-нибудь в Центре. Стоит ли удивляться?

– Иннокентий, – протянул ему руку водитель.

– Максим, – ответил на пожатие Макс.

– Я немного задержался. Дорогу раскопали, пришлось объезд искать. Ты не вымерз, пока ждал? А то, – Иннокентий кинул на него беглый взгляд, – одет как-то странно.

– Почему же странно? – пробурчал Максим. – У нас лето.

– И запах!.. Действительно, баюн-трава, – он мечтательно вздохнул. – Что-то

такое из детства, далёкое-далёкое.

– Из чьего детства?!

– Из моего, конечно!

– Дед Леший говорил, что травы этой у вас лет триста уже нет.

Иннокентий рассмеялся.

– Преувеличил чуток, это он любит! Не триста. Лет сто пятьдесят, не больше.

Макс решил не удивляться.

– Мы так долго не живём. По вашим меркам мы не успеваем достичь нормального детского возраста. Проживаем лишь младенческий период.

– Всё не так просто, Максим, – посерьёзnel Иннокентий. – Есть обычные люди, которые живут семьдесят – восемьдесят лет, а есть... Что за чёрт!

Перед машиной мелькнула на мгновение розовая вспышка. Если бы не ремень безопасности, от резкого торможения Макс точно врезался бы лбом в ветровое стекло.

– Что случилось?

Новый знакомый вышел из авто, подошёл к краю глубокого провала, обозначенному горкой ломаного асфальта. Постоял немного, потом вернулся в машину.

– Опять дорога раскопана. Утром ехал, ничего не было! Ладно, не страшно. Объедем.

Он включил заднюю передачу и оглянулся, выкруливая на боковую дорогу. В полумраке блеснули, фосфоресцируя, се-

рые глаза.

Тёмной лентой потянулась дорога. По обеим сторонам молчаливо возвышались запорошенные белым огромные ели. Потоки снежинок, выхваченные на миг из ночи светом фар, походили на звёзды, летящие навстречу. Макс ещё раз подивился суровой красоте здешних мест.

Снег пошёл гуще, крупными хлопьями, залепил стекло. Беззвучно заработали дворники, безжалостно сгребая в сторону рыхлую сверкающую массу.

Оставшийся путь до города они молчали или перебрасывались редкими, незначительными репликами. Макс почувствовал, что устал от обилия впечатлений одного лишь дня. А что будет дальше? Представить трудно.

Город ошеломил обилием света, разноцветных, зазывающих, предлагающих, напоминающих не забыть о покупке плакатов. Машин, самых разных, было такое огромное количество, какое Макс не видел за всю жизнь. И людей было много, несмотря на поздний час. На одной улице столько, сколько, наверное, во всём их городке.

Иннокентий вёл машину уверенно, при этом думая о чём-то своём. Рефлексы, однако, его ни разу не подвели. Ориентировался он прекрасно, то и дело сворачивал куда-то; когда надо, притормаживал, когда надо – прибавлял газу.

Остановились они перед высоким домом, совершенно необозримой длины: он плавно изгибался и тянулся куда-то

в темноту, где свет фонарей таял меж деревьями густого сквера. Машина была поставлена на стоянку под домом. Оттуда же лифт вознёс их на последний этаж.

Квартира у Иннокентия была небольшая, двухкомнатная, но Макс бродил по ней, как по музею чудес. Столько было всего, поражавшего воображение, столько разной техники, назначение которой и угадать-то было трудно, а здесь она совсем не выглядела предметами роскоши, не выставлялась на показ хозяйского благополучия и предприимчивости. В конце-концов Макс плюхнулся в низкое мягкое, почти такое же, как в автомобиле, кресло, обхватил руками голову и почувствовал, как накатывает отчаяние. Оптимизму волхвов вполне можно было слагать гимны! Они отправили совершенного дикаря и профана в мир, не просто чужой, а с иной культурой, уровнем жизни, полный непонятных, враждебных звуков, запахов, от которых начала болеть голова, среди которых трудно было дышать, особенно на улице! Удивительно, что язык понятен, хотя и изобилует множеством незнакомых слов, интонаций и непривычных ударений.

Как в этом чудовищном мегаполисе, переполненном светом, шумом, людьми, найти таинственную книгу, о которой не должен никто знать, ввиду секретности и опасности информации, хранящейся в ней?! Абсурд! Это невозможно! Ходить по улицам и спрашивать, что ли всех подряд? Или дать объявление в газету? Нашедшему, мол, будет мерси от души, так как наградить более нечем.

Вспомнилась Весна в момент прощания. В длинном белом, расшитом причудливым орнаментом платье она не походила на ту немного сумасбродную, отчаянную спутницу его похода. Скорее, на какую-то лесную нимфу. Голос стал мягче, во взгляде вместо упрямства появилась лёгкая, как вуаль печаль, словно ей открылась некая грань тайного знания, запредельной мудрости, на фоне которой всё прочее существенно, тщетно и мелко.

Закатное солнце золотило волосы, окружало её прозрачным ореолом. Он ещё подумал, как она прекрасна в это мгновение!

– Я верю в вас, Максим! У вас всё получится, и вы вернётесь. Я буду ждать, – она ободряюще улыбнулась. Потом пронёсся беззвучный вихрь, Книга исчезла с подставки, в глаза плеснуло ослепительным светом, и волхвы, всё такие же молчаливые и сосредоточенные, одновременно ударили в пол своими посохами...

Предприятие было обречено в самом начале. На что они надеялись? На что все надеялись?!...

Вошёл Иннокентий, умытый, улыбающийся, переодевшийся в домашний свитер и джинсы. В машине Макс плохо разглядел его в полумраке. Да ещё тень от шапки падала на лицо...

Кеша был не то, чтобы безобразен, но внешность имел неординарную: лысый череп в синих прожилках вен, свет-

ло-серые глаза в обрамлении тёмных кругов, тонкие губы, удлинённый подбородок, выдающийся вперёд, нос с аристократической горбинкой, тоже немного длинноватый по классическим канонам. Худобу скелетообразной фигуры подчёркивал просторный свитер, из ворота которого торчала по-детски тонкая шея.

– Что не располагаешься, как будто на минутку заскочил? Дело у нас с тобой трудное и долгое. Так что, чувствуй себя, как дома. Куртку в прихожей повесь. Кроссовки там же можешь снять. Тапочки имеются. Давай, вообще, действуй. Ты чего это сник? Не понял я. Или простудился? В кедах – да по сугробам, да в мороз! Знаешь, что? Прими-ка ты горячий душ. Иди. Там всё есть.

С этими словами он вытолкал Макса в ванную.

Минут через двадцать, когда Макс, смыв с себя запахи экзотических трав, вернулся в комнату, хозяин уже сервировал маленький столик возле дивана.

– Садись. Плотно наесться на ночь не будем, а немножко закусить не помешает... Ого! – Иннокентий увидел на голых плечах гостя глубокие зажившие рубцы. – Кто это тебя так?

– Зверь один. Помесь льва, волка и медвежьего капкана.

– Интересный мир, весёлые зверушки!..

– Хищники – не самая большая проблема. Есть кое-что похуже.

– И что же это?

– Деревья, – Максим аккуратно повесил влажное полотенце на батарею. – Деревья огромные, как горы и занявшие половину мира.

– Ладно. – Иннокентий налил немного коньяка в изящные округлые бокалы. – Мы это ещё обсудим. А пока, давай – за знакомство. – Как, говоришь, называется твой город?

– Старо-Климовск.

– А Москва у вас есть?

– Да. Но мы называем её просто Центром.

– Тогда – за твой город!

Уличный шум, несмотря на поздний час, не стихал и отчётливо слышался через двойные рамы больших окон, не поглощаемый ни деревьями внизу, ни высотой этажа. Иннокентий его, шум, то есть, не замечал, а непривычного Максима он слегка раздражал, напоминал о скоротечности времени и чужеродности всего окружающего.

Ночное небо мигнуло розовой вспышкой.

– Что это? Зарница? – Максим подошёл к окну. Внизу, далеко за сквером, нёсся поток машин, похожий на реку в изображении художника-сюрреалиста – с омутами, заторами, завихрениями, местами спокойного, глубокого дна...

– Трамвай, наверное, – Иннокентий о чём-то сосредоточенно думал и отвечал несколько рассеянно. – Иногда контакты искрят, такой фейерверк бывает!

– Ты один живёшь? – Макс вернулся на диван.

– Один, – Кеша грустно улыбнулся. – Девушки во все века и времена предпочитают красавцев-атлетов вроде тебя.

– Ну, не такой уж ты страшный.

– Дело не в этом. Я могу навести иллюзию, что-то вроде гипноза, и выглядеть для всех, как олимпийский бог, но мне хочется, чтобы во мне ценили, прежде всего, не внешний лоск, а душу, внутренний мир, ум, – он наложил в тарелку крабового салата. – Ты чего не ешь?

– Спасибо. Аппетита нет. И настроения тоже.

– Брось, не думай. Всё будет нормально, – он снова разлил коньяк. – Давай, за будущее. Чтобы оно было.

Потом они разговаривали. Долго разговаривали. Макс рассказывал, Иннокентий то сидел, то ходил по комнате, задавал вопросы, слушал, думал. Потом Макс незаметно для себя задремал. Иннокентий не стал его будить. Принёс одеяло, укрыл гостя, убрал остатки ужина и сел за компьютер. За компьютером и застал его Макс, когда проснулся. Часы показывали четыре утра. За окном по-прежнему чернела ночь, кое-где подсвеченная уличными фонарями, и по-прежнему неумолкаемо шумящая.

– Доброе утро.

– Привет, – Кеша, не отрываясь взглядом от экрана, что-то набирал на клавиатуре. – Отдохнул?

– Вполне. А ты не ложишься что ли?!

– Сон для меня не главное. Я легко без него обхожусь.

Особенно, когда дело не терпит отлагательства. Кофе хочешь? На кухне. Я сварил. Пей.

Макс покачал головой. Кеша сладко потянулся в кресле.

– Устал немного. Тоже что ли кофею выпить? Пойдём!

– Нет, спасибо. Если можно...

– Что?

– Телевизор посмотреть. У нас были когда-то, но...

– Да смотри, конечно! Пульт на диване лежит. Разберёшься?

Ввиду раннего часа большинство каналов транслировали только заставки, но канал новостей работал. Ослепительной красоты дикторша хорошо поставленным голосом вещала с экрана: «Сегодня ночью жители столицы стали свидетелями удивительнейшего явления природы. Над Москвой наблюдалось настоящее северное сияние!..» Дикторша пропала, вместо неё экран заполнили панорама ночного неба, на котором полыхали причудливые волны разноцветного огня. Голос за кадром продолжал: «Вот, что об этом нам сообщили в научно-исследовательском институте астрофизики при академии наук: в результате необычной повышенной активности Солнца в последние дни произошла сильная ионизация верхних слоёв атмосферы...»

– Не нравится мне это! Совсем не нравится! – Кеша, нахмурившись, смотрел на экран.

– Что случилось?! – Макс от неожиданности нажал кнопку выключения. Телевизор погас.

– Слишком много совпадений. Одно – случайность, а два – уже система.

– Ты о чём?

Забыв о чашке с кофе, которую держал в руке, Иннокентий ходил по комнате.

– Да в чём дело?!

Тут неожиданно раздался звонок в дверь.

Из прихожей некоторое время раздавались голоса, потом дверь хлопнула, закрываясь, а Иннокентий вернулся с кипой пакетов. Свалил их на диван.

– Это тебе. Я заказал кое-что из одежды. Не можешь же ты в своей майке по городу зимой ходить. Да и мода у нас немного иная. Не в ней, конечно, дело, но лучше внимание не привлекать. Мне почему-то кажется, что лучше.

– Спасибо! – поблагодарил Максим. – Я всем вам доставил столько хлопот! Тебя ввёл в расходы...

– Это ерунда, – махнул рукой Кеша. – Я стараюсь жить скромно, хотя – необязательно сие всем знать – мог бы купить не только фирму вроде той, где работаю программистом, но и с десятков других. «Лукойл», например. Ерунда всё, – повторил он. – За деньги не купишь ни дружбу, ни любовь... У меня когда-то был замок на высокой горе, подвалы, заполненные золотом. И что? И ничего! Всех, кто меня окружал, интересовало лишь богатство. К каким только хитростям ни прибегали! Дочек подсылали. А я молодой был, глупый. Верил всему, что говорили. Потом приезжал рыцарь

освобождать «похищенную» красавицу-принцессу и почистить заодно подвалы. Что ж, многие там и оставались, зачистую с принцессами... До сих пор археологов радуют. Ну да бог с ними.

Он улыбнулся своей грустной улыбкой.

– Зато теперь – ни рыцарей, ни принцесс. Никого я не интересую, скромный программист в фирме, которая мне же и принадлежит. Один раз, – Кеша хмыкнул, – меня даже чуть не уволили. Новый начальник отдела своего протеже хотел на моё место взять. Пришлось его самого уволить. Да я бы не возражал, не будь протеже полным профаном.

Новая одежда пришлась впору; чёрные джинсы сидели, как влитые, рубашка, свитер, тёплые сапоги, – всё было по размеру, неброских расцветок и очень хорошего качества. Макс ещё раз поблагодарил нового друга.

– Не знаю, правда, что смогу сделать для тебя в ответ? Знаешь, мне жутко неудобно оттого, что от меня сейчас почти ничего не зависит, что всем вам – Осиничу, тебе – причинил столько неудобств...

– Какие неудобства? О чём ты говоришь, Максим?! Я тут думал, факты сопоставлял и к неутешительному выводу пришёл. Ты даже вообразить не можешь, в какой мы все сейчас опасности! Видишь ли, некто или нечто, похитившее вашу Скрижаль и заставившее тебя отправиться сквозь измерения на поиски, боюсь, поставило под угрозу существование и на-

шего мира. Пока ты здесь находишься, твоё физическое присутствие дестабилизирует баланс высших энергий.

– Так понятно, что смешно.

– Как объяснить-то?.. Ну, вот ты, вроде, ничем от нас не отличаешься, даже говоришь по-русски, хотя и с акцентом, но в то же время являешься частью иной вселенной, которая пусть и очень близка к нашей и очень похожа, но имеет иную субатомную структуру, чуть-чуть, но отличается. Будь эти различия сильнее, мы уже не разговаривали бы. Некому было бы разговаривать. И негде. А так у нас есть в запасе некоторое время для того, чтобы найти Скрижаль и отправить тебя обратно. Если этого не сделаем, мы обречены.

– Если не сделаем, ваш мир погибнет?

– Да.

– Из-за меня? Хороший поворот событий! – он глубоко вздохнул. – А если мы не найдём Скрижаль до срока, а я умру?

– Всё у нас получится! Не городи ерунды! – рассердился Иннокентий. – Тем более, я же сказал – твое физическое присутствие, а не духовное. Совершенно всё равно, живой ты или труп. Извини.

– Ну и дела! – Макс запустил пальцы в свою шевелюру, пахнущую уже не травой, а дорогим шампунем; только кого это сейчас волновало?

– Это ещё не всё, – устало продолжил Кеша. – Флуктуации энергий будут нарастать, накапливаться. Они уже проявля-

ются. Понемножку пока, но, боюсь, дальше будет хуже.

– Это ты про что?

– Про разные необычные явления в массовом количестве. Полярное сияние на нашей широте, провалы на дорогах, коих полчаса назад не наблюдалось, землетрясения... Я одно время занимался физикой высшей энергетики. Лаборатория была, условия, техническая база... Потом бросил. Решил, что рановато передавать человечеству такие знания. И не думал, что самому пригодятся. В теории было всё так интересно и так далеко от реальности!.. Может, ещё тогда нашёл бы способ защиты? Ладно. Что-нибудь придумаем.

Он сходил на кухню, вылил остывший кофе, налил свежего. Захватил чашку для Макса и вернулся. Сел рядом на диван.

– Постарайся вспомнить, как у вас похитили Книгу, то есть Скрижаль? Сам момент. В деталях.

– Да какие там детали? Исчезла и всё. Хотя, подожди... Кажется, перед этим мелькнула высокая фигура, вроде человеческая, но я не уверен. Кто-то в чёрном плаще с капюшоном. Лицо капюшон скрывал, если оно и было, не рассмотрел.

– Как плащ выглядел?

– Обыкновенно, – пожал плечами Макс. – Чёрный, длинный... Пожалуй, очень чёрный, словно сотканный из самой Тьмы, глубокой и бесплотной. Это сверху, а с внутренней стороны что-то так ярко сверкнуло, что я несколько секунд

не видел ничего. Потом не мог понять, было то, что видел или нет?

– Понятно, – Кеша сжимал в руках пустую чашку и смотрел в неё, словно на дне покоились ответы на любые вопросы. – Это не плащ, это мантия. Вас посетил Магистр.

– Это ещё кто?

– Если в двух словах, то... Впрочем, есть такая организация – Магистрат.

– И в ней работают магистры.

– Да.

– Это в двух словах. А в трёх и более? Если, конечно время позволяет. Хотелось бы знать, чему придётся противостоять.

– Противостоять – это сильно сказано. Уровень у нас с тобой не тот. Хотя... С учётом фактора внезапности, плюс твоё присутствие, что совсем уж неожиданно, – кто знает? Может, что и получится.

Магистрат – это... Я когда-то там работал, давно, правда. Энергетикой и занимался. Хотелось приключений, чего-то необыкновенного. Всего этого было в достатке. Изначально Магистрат задумывался, как Союз Хранителей Мира, которые должны были следить за равновесием в природе, за балансом сил. Ведь жизнь, развитие её, зависит в первую очередь от стабильности процессов, а во Вселенной нет ничего стабильного, достаточно стабильного для образования устойчивой структуры жизни и разума, соответственно.

В Магистрате работали специалисты высочайшего класса, и поначалу всё шло отлично, цель была достигнута, развивались цивилизации, жизнь процветала. Во благо развития человечества все значительные открытия опробовались и оценивались сначала в Магистрате, дабы не нанести вреда. Но однажды произошёл сбой. Не в один момент, конечно. Просто незначительные изменения и отклонения игнорировались, накапливались... А может, то был спланированный акт, рассчитанный на века, до достижения максимального результата, но с тем, чтобы изменить что-то было уже невозможно.

В Магистрате хранятся огромные знания и с ними – огромные возможности, которые для простого обывателя, непосвящённого, кажутся колдовством. Но что есть колдовство? Возможность без объяснения процесса. Стоит лишь подвести научную базу, любой процесс теряет налёт мистики. Другое дело, что нам не хочется ни во что вникать, гораздо приятнее и легче поверить в существование таинственного дара повелевать могучими силами. На этом и основана сегодняшняя деятельность Магистрата. На тайне, на присутствии атмосферы магии и потусторонних проявлениях, которых всегда опасалось суеверное человечество. Опасалось, но старалось использовать при малейшей возможности для выполнения желаний, для получения какой-то сиюминутной информации.

В Магистрат, как и века назад, можно обратиться с лю-

бой просьбой – идея помощи людям главенствует по-прежнему! – только, если раньше это было бескорыстно и с тщательным просчитыванием возможных последствий, то сейчас!.. Но попросить можно всё, что угодно, и получить это! Например, Книгу Судеб...

– Зачем?! – вырвалось у Максима.

Иннокентий пожал плечами.

– Откуда я могу это знать? Но, если мы ответим на три вопроса: «кто сделал?», «для кого сделал?» и «для чего это надо было?», найдём вашу Скрижаль. Всё очень просто! Не будь столь сложно.

– А нельзя пойти в эту пресловутую организацию и прямо спросить обо всём, что нас интересует?

В окно плеснуло розовым, и дом ощутимо трянуло. На кухне зазвенела посуда.

– Опять флуктуации! Надо срочно что-то делать! Если я прав, проблемы будут расти. По экспоненте. – Кеша заходил по комнате. – Что сделать?.. Что? Что?.. Так! Есть вариант! Только бы получилось!

Он достал стремянку, полез на коридорную антресоль. Вниз полетели коробки, перевязанные стопки журналов, какие-то непонятные предметы.

– Давно надо разобраться тут, – слышалось приглушённое ворчание. – Столько хлама, а нужное не найдёшь никогда... А! Есть! Нашёл!

Кеша слез со стремянки со свёртком в руках и, не обращая

внимания на кучу вещей на полу, влетел в комнату.

– Вот оно! Наш шанс! Если не поможет, то ничего не поможет!

– Что это?

– Это, мил друг-человек, мантия. Как чувствовал, что пригодится, а ведь сколько раз выбросить хотел! – Кеша развернул свёрток, оказавшийся длинным чёрным плащом с серой атласной подкладкой. – Я, кажется, упоминал, что когда-то работал в Магистрате?

– И чем нам это поможет? – Макс с сомнением смотрел на изрядно помятую и потёртую мантию. Кеша, похоже, не слышал и говорил сам с собой.

– Рубашку сшить я не смогу, конечно, а вот что-то типа пояса мы сейчас соорудим. Ножницы нужны. Где ножницы?

На пол полетело содержимое шкафчика под книжными полками.

Кеша принялся кромсать плащ на полосы, потом сшивал их белыми нитками за отсутствием других. Укололся несколько раз, бормоча сердито что-то под нос. Макс скептически наблюдал за ним.

– Вот. Готово.

– Похоже на пиратский штандарт, правда, длинноватый.

– Тебе придётся раздеться.

– Объясни хоть, что ты делаешь? – Макс стянул свитер.

Дом снова тряхнуло. На этот раз качка длилась дольше. С верхних полок посыпались книги.

– Быстрее! Не спрашивай!

Он намотал на голый торс Макса длинный лоскут наподобие широкого пояса. Тряска прекратилась.

– Кажется, помогло, – прислушался к тишине Иннокентий.

– Эта штука колется!

– Терпи, – виновато развёл руками новоявленный портной.

– Не хочу тебя обидеть, но я чувствую себя полным идиотом. Винтовкой пользоваться нельзя, зато намотали тряпку в качестве какой-то магической защиты...

– Это не тряпка! – весомо возразил Иннокентий. – Мантия – не украшение, не униформа, не простой символ! Это щит! Магистрам приходится путешествовать сквозь пространственные слои, через энергетические уровни. Каждое измерение имеет свой потенциал, зачастую довольно большой. Статический разряд в таком поле смертелен и одной тысячной своей величины. Так что мантия – уникальная и универсальная защита, пластичная, мобильная. И это – не ткань, хотя и похожа с виду. Не комплексуй. Нам пока не до изысков! Конечно, моя мантия старая и выглядит неприглядно, но новая для наших целей и не подошла бы – слишком велик защитный заряд. Человек его не может вынести.

– А Магистры – не люди?

– Не совсем. Как объяснить-то?.. По анатомии они – люди, но на этом сходство заканчивается.

– Значит, и ты?..

– А это важно? Для тебя?

– Впрочем, нет, – пожал плечами Макс. – Мне важно фолиант свой добыть, а то дома, наверное, кое-кто с ума сходит от неопределённости и ожидания.

– Вряд ли, – покачал головой Иннокентий. Взгляд его выражал сочувствие. – Понимаешь, твой мир перестал существовать в тот момент, когда из него исчезла Скрижаль. Отчасти этим объясняются флуктуации. Если бы ты просто, как турист, к нам приехал, всё было бы нормально, тихо, спокойно. Но когда мир исчезает...

– Не понял! Я-то цел и невредим!

– Потому, что ты здесь.

Иннокентий вздохнул.

– Столько тонкостей!.. Мне-то понятно, а человеку неискушённому трудно сразу вникнуть. Да ты не переживай. Мир не может существовать без Книги Судеб, это верно, но пока ты жив, матрица твоего мира цела. Воссоединишься с Книгой, всё вернётся.

Макс сходил на кухню, плеснул в лицо ледяной водой, потом налил стакан, выпил залпом. По горлу разлилась боль. Помогла справиться с шоком.

Иннокентий сидел за компьютером. На экране монитора плавали какие-то окошки с наборами цифр и непонятными знаками. Кеша что-то бормотал, руки с длинными худыми пальцами пианиста порхали над клавиатурой.

Внезапно раздался грозный рык, из экрана выметнулся столб чёрного густого дыма, и тут же что-то взорвалось. Иннокентий вместе со стулом отлетел к стене и сполз на пол. Макс бросился к нему.

– Ты жив?!

Кеша открыл глаза и, крихтя, поднялся, опираясь на руку своего гостя.

– Жив. Моя смерть далеко отсюда. Но стукнулся изрядно! – он потёр затылок. Макс принёс влажное полотенце, приложил к пострадавшей голове.

– Что это было?

Иннокентий, прижимая полотенце к затылку, поставил на место стул, горестно вздохнул над погасшим своим чудом техники. Потом он приоткрыл окно, чтобы вытянуло дым, тучей колышущийся под потолком.

– Нам придётся уйти.

– Куда?

– Всё равно куда. В людное место, подальше и побыстрее. Нас вычислили. Собирайся!

* * *

Когда они готовы были выйти в подъезд, Иннокентий вдруг остановился. Прислушался к звукам внизу.

– Подожди-ка!

Макс тоже прислушался, но ничего подозрительного не

заметил, точнее, ничего внушающего чувство опасности. Незнакомых звуков было много, но внутренний сигнал тревоги, не раз спасавший его в лесу, молчал. Только стоило ли полагаться на него при данных обстоятельствах?

– Давай другим путём выйдем.

Иннокентий вернулся в комнату, подошёл к мебельной стенке, открыл узкую стеклянную дверцу. Зеркальная стенка, тонированные полочки с красивыми бутылками и вазочками с конфетами так и остались в отражении двери, но за ней оказался не бар, а шахта, ведущая вниз.

– Лезь. Там на стенках скобы.

– Тесно как!

– Извини. Я под свою комплекцию делал.

Иннокентий аккуратно притворил за собой дверцу, и они оказались в полной темноте. Воздух здесь был тёплый, густой, но не застоявшийся и без лишних запахов. Очередное колдовство? Или скрытая вентиляция?

Спускались молча. Макс с трудом протискивался в узкий лаз, которому казалось, не будет конца. Несколькими ступенями выше пыхтел Иннокентий.

– Зачем эти игры в конспирацию?

– Ну, теоретически можно пойти и сдать Службе Безопасности добровольно, только ничего хорошего из этого не выйдет. Для нас. Тебя отправят куда-нибудь подальше, в соседнюю галактику, например. А меня... меня тоже могут с

тобой отправить. В назидание.

– Что, вот так, просто? Не вникая в проблему?

– Зачем? Расточение магических ресурсов не приветствуется. А нет тебя, нет проблемы. И в Багдаде всё спокойно.

– В Багдаде?

– Да это так, к слову.

– А... Лестница кончилась. Куда теперь?

– С правой стороны дверь должна быть.

Внизу шахта была пошире, два человека вполне могли поместиться. Макс посторонился, пропуская спутника.

– Сейчас! – Иннокентий закончил спуск, нашарил в темноте выход и что-то пробормотал на непонятном языке. Дверь начала медленно открываться. Появилась тусклая полоска света, и вдруг дверь замерла. Иннокентий ещё раз повторил таинственную фразу, но ничего больше не произошло.

– Всё, – подытожил он. – Застряли. Назад что ли подниматься?

– Подожди-ка, – сказал Максим. Он упёрся ногой в стенку шахты, а плечом надавил на заклинившуюся створку. Несколько секунд ничего не происходило, но, наконец, медленно, со скрежетом, она поддалась. Щель расширилась достаточно, чтобы можно было протиснуться.

Иннокентий вылез первым. Макс последовал за ним. Огляделся. Попали они прямиком в подземный гараж.

– Bravo, – шепотком произнёс Иннокентий. – Был бы один, не справился бы.

– Петли надо смазывать, – пожал плечами Максим. – А почему шёпотом?

– Тихо! До поры лучше присутствия не обозначать. Впрочем, дверь нас уже обозначила. Пойдём к машине. Быстро.

– Скорее всего, – Кеша уселся за руль и застегнул ремень безопасности. – Скорее всего, твой мир посчитали неперспективным, на грани катастрофы. Изъятие Книги лишь приблизило неизбежное.

– Как это?! Как это неперспективным?! Какая катастрофа?!

– Ну, ты же сам говорил, Деревья вас вытесняют. Они нарушили экономику, остановили прогресс... Но произошёл сбой. Прогноз не учёл прозорливости ваших волхвов, того, что им станет доступен текст Скрижали, что отправят тебя к нам. Очень серьёзный промах.

– Не получилось, значит, списать в утиль!

– Не получилось. Но получится, если быстренько что-нибудь не предпримем.

Машина стремительно неслась по широкому проспекту, то и дело меняя полосы движения. Одно время сзади держалась пара чёрных, напоминающих чем-то стремительных хищников, автомобилей, но они быстро исчезли. Более ни-

чего подозрительного Макс не заметил.

– И всё же я уверен, что за нами следят, – Иннокентий глянул в зеркало заднего вида.

– Сидит где-нибудь дома, в тепле, старый колдун, поглядывает в чашу с мутной водой, где мы, как на ладони, и посмеивается.

Иннокентий улыбнулся.

– Они не всеведущи, если ты об этом. Хотя современные средства слежения включают и спутники, и устройства, которые ты и во сне не видел, не думаю, что против нас пущен весь арсенал средств. Пока ещё.

– Иннокентий Аристархович! Вы так давно не были у нас! – ослепительно улыбаясь, управляющий, он же по совместительству метрдотель, лично помог раздеться Иннокентию. Макс отказался от услуги и быстренько скинул куртку сам.

– Прошу вас, прошу!.. Столик у окна?

– Э-э... нет, пожалуй. Где-нибудь в уголке. Поскромнее.

– Ну что вы!.. – развёл руками управляющий, но, тем не менее, проводил их в действительно укромный уголок, хотя весь зал ресторанчика являл собой помещение уютное с оттенком интимности. На столиках горели изящные лампы под абажурами, пианист на маленькой сцене негромко исполнял джазовую композицию.

– Тебя здесь любят, – заметил Максим.

– Плачу хорошо. – Иннокентий углубился в содержание меню.

– Нам, пожалуйста, карасей в сметане... Ты любишь рыбу?

Макс пожал плечами.

– Тогда порцию карасей и барбекю. Потом – кофе, мороженое. Ну, как всегда вобщем.

– Мы ценим постоянных клиентов, – кивнул метрдотель. – И знаем их вкусы. Например, что вы пьёте кофе без сахара.

– Что будем делать?

– Думать, – Иннокентий, сосредоточенно хмурясь, прихлёбывал почти кипящий кофе. Макс ждал, пока остынет, и помешивал ложкой сахар. – Думать, думать... Нет ли здесь какой-нибудь связи? Нет ли чего-то, что лежит на поверхности, а мы не видим? Может, вообще всё проще, а мы и не догадываемся?

– Например?

– Например, почему ты оказался там, где оказался – в лесу? Да ещё неподалёку от Осинычевой избушки, а не, например, в Африке? Или в центре Нью-Йорка? Или ещё где? В джунглях?

– Я маршрут не выбирал. Со мной вообще разговаривали, как с холопом, удостоенным великой чести.

– Ну, хорошо. А по какому принципу ваши колдуны, то есть, пардон, волхвы выбирали место прибытия?

– Я же сказал, со мной не советовались. Да, скорее всего, они и сами толком не знали. «Мы сможем удержать путь...» – вот такой был ответ. А куда этот путь ведёт, не озаботились. Ладно, лесом кончился, а не окрестностями ожившего вулкана.

– Так, – Иннокентий снова поднёс чашку к губам, не заметив, что кофе в ней давно кончился. – Значит, лишь удержали путь?

– Уж, какие есть колдуны, – развёл руками Максим, – До большего могущества не доросли.

– Когда Магистр пересекает измерения, за ним действительно остаётся подобие инверсионного следа. Если тебя отравили по нему... Лес... Что Магистру делать в Заповедном лесу? Леший не любит гостей, особенно т а к и х. Если только человек ему не друг или знакомый...

– Могут у Осинича быть друзья в Магистрате?

– В Магистрате – вряд ли, а вот среди Магистров есть.

– Не улавливаю разницы.

– Неужели Илья?

– Не понял.

– Да есть у нас общий друг и знакомый. И как раз Магистр. Но его сейчас нет в городе.

– А позвонить нельзя? Есть такая штука – телефон.

Иннокентий в ответ только грустно, как всегда, улыбнулся.

– Может быть, ты сам сможешь почувствовать свой арте-

факт?

– Как это?

– Ну, вы всё-таки части одного мира, одной реальности.

Значит, между вами должна быть определённая связь.

Макс пожал плечами.

– Ничего я не чувствую.

Метрдотель подошёл к их столику.

– Счёт, пожалуйста, – и положил перед Иннокентием лист. Кеша пробежал по нему глазами, нахмурился. Потом достал из бумажника пластиковую карточку. Отдал управляющему.

– Сюда, Иннокентий Аристархович, – тот приоткрыл бархатный занавес и выпустил гостей в тёмный проём чёрного хода.

– Опять игры в шпионов? – пробурчал Макс.

– Нас нашли. Управляющий предупредил.

– Я не понимаю. Если организация могущественна, как ты говоришь, а мы..., я представляю опасность, почему такая бездарная охота? Один снайпер в квартире дома напротив твоего давно решил бы проблемы!

– Не знаю. Не считают нас серьёзными противниками, скорее всего.

– Они правы?

– Надеюсь, нет.

Быстро пройдя несколько переулков, они вышли к автостоянке, с другой стороны. Иннокентий осторожно выглянул из-за угла.

– Вроде тихо.

– Твоей машиной пользуется кто-то ещё? – вдруг спросил Макс?

– Нет, а что такое?

– Здесь кто-то был.

– Место общественное, – пожал плечами Иннокентий. – Тут много народа ходит.

– Кто-то открывал машину.

– Уверен?

– Да.

Иннокентий раздумывал ровно секунду.

– Пойдём-ка в метро. Да, и постарайся пока не разговаривать. На всякий случай. Может, они пеленгуют твой голос.

Перебежав обширную площадь, спустились в подземку. Людей было так много, что Макс устроил внимание, дабы бы не потерять в толпе спутника.

Несколько раз они переходили с одного направления на другое, меняли станции, то поднимались на эскалаторе, то опускались ниже и ниже. Здесь тоже бурлила жизнь. Кто-то куда-то спешил, люди ждали друг друга, встречались, торопливо сновали в разных направлениях, иногда останавливаясь у многочисленных лотков с газетами, сувенирами, прочей мелочью. Подходили и уезжали поезда...

Никто ни на кого не обращал внимания, хотя иные личности выглядели довольно экзотично, как, например, девушка с ярко-зелёными волосами. Ни на Иннокентия, ни, тем более, на Максима никто внимания не обращал. Одна женщина, когда Иннокентий на полном ходу столкнулся с её тележкой, в изумлении широко раскрыла глаза: «Гос-споди! Да куда ж ты прёшь, милый?! Расшибёшься!»

Потом, в вагоне пригородной электрички, предупреждая вопрос Макса, Иннокентий сказал:

– К Осиничу едем. След привёл тебя к избушке лешего, может статься, что Илья перед отъездом что-то ему рассказал.

Перед опущенным шлагбаумом железнодорожного переезда стояла длинная вереница машин.

– Вон те два длинных, чёрных автомобиля я вижу уже третий раз...

– Которые? – Иннокентий выглянул в окно. – Вот досада! Давай-ка, выйдем и двинемся напрямик.

На ближайшей станции они покинули электричку и направились сквозь маленький посёлок, более похожий на деревню, в лес. Пересекли шоссе, плавные волны которого хорошо просматривались в обе стороны, ограниченные густым заснеженным лесом.

У самого горизонта два скользящих чёрных силуэта отчётливо выделялись на фоне пасмурного неба.

– Не успели!..

– Подожди-ка, – Макс скинул куртку, оставшись в облегчающем белом свитере, и вышел на середину дороги. Вздохнул пару раз, сосредотачиваясь, крепко сжал кулаки.

Сначала ничего не происходило, было тихо, но затем поднялся небольшой ветерок. С каждой секундой он крепчал, вздымая в небо рыхлый снег и свиваясь в тугий жгут. Ещё минут через пять воронка огромного смерча упала из туч и понеслась по дороге, перемешивая снег и опавшую хвою в непроницаемую серую мглу.

– Ну, ты даёшь! – Иннокентий старался перекрычать ветер и заслонялся при этом рукавом от секущих лицо ледяных крупинок.

– Идём быстрее! – Макс, на ходу натягивая куртку, первым углубился в лес.

Они шли около часа. Сначала, просто стараясь отойти подальше от дороги, потом свернули, ориентируясь на знаки, известные лишь Иннокентию.

– Подожди. – Максим остановился, придерживаясь за ствол высоченной ели. Перевёл дыхание. – Вот чёрт!

– Что случилось?

– Голова закружилась. Подожди секунду...

– А, так это Барьер. Пойдём потихоньку. Держись за меня. Метров через сто всё пройдёт.

– Огораживаетесь! От кого же вы огораживаетесь? Живё-

те комфортно, тепло, светло. Деревья сквозь пол не растут, монстры не бегают. А всё что-то делите! Богатство, природу!.. Чего вам не хватает?!

– Я понимаю тебя, Максим, понимаю. Согласен, мерзко поступили с тобой и твоей землёй, но в тебе сейчас говорит отчаянье, обострённое чувство несправедливости. Наши проблемы не столь неразрешимы, как тебе кажется. Мы справимся. И Барьеры со временем уберут, и к Осиничу этнологи и фольклористы в гости будут ездить за культурным наследием прошлых веков. Всё будет, я уверен.

– Не зря всё это, я думаю. Ну, попал к вам не зря. Я ведь тоже наш мир обречённым считал, мечтал отправиться в космос, сначала на орбиту, а оттуда, возможно, в дальнюю разведку... Но сейчас думаю, нет! Проще всего отказаться, уйти, забыть, бросить. Но ведь человеку дан разум! Для борьбы дан! С самим собой, прежде всего. С тем, чтобы, когда руки опускаются, когда выхода не видно, всё равно идти.

– Ты меня пытаешься убедить в чем-то или себя? Извини, Макс, у нас сейчас немного другая идеология. Из двух дорог – трудной и героической, и лёгкой, но бесславной, мы выберем вторую. Мы старше вас, и в мыслях о будущем лишены восторженного ожидания. Что будет, то и будет. А вас, возможно, Мировой Разум готовит для особой цели, для каких-то свершений, вот и подбрасывает испытания.

– Почему тогда ты помогаешь мне? – Максим остановился и глянул в серые уставшие глаза своего спутника, – Ведь

проще.

– Проще. Проще, – ворчливо отозвался тот. – Только я помню и другие времена, и мысли другие. И понятия о чести, о порядочности. И о помощи тоже. И верю, что всё это вернётся, не знаю, когда, но вернётся обязательно!

Некоторое время они молча шли, увязая в снегу по колено, а порой и глубже.

– А-а, проклятье! Ты же сказал, через сто метров всё пройдёт! – Макс снова остановился.

– Да мы давно прошли сто метров. Это уже второй Барьер, – виновато отозвался Иннокентий. Он устал, запыхался, но никаких неприятных ощущений, как Максим, не испытывал.

– А всего сколько?

– Всего три. Я тут подумал, может, я тебя усыплю? Ну, введу в транс. Идти сможешь, а чувствовать ничего не будешь.

– Нет уж! – Макс зачерпнул горсть снега и прижал ко лбу. – Хватит меня за ручку водить! Если не суждено вернуть Скрижаль, по крайней мере, друзья не подумают, что я последние дни провёл в довольстве и комфорте.

– Им уже всё равно, друзьям, то есть.

– Мне не всё равно.

– Чудак – человек! Мало кто из смертных в силах преодолеть Третий Барьер. Я же хотел, как лучше.

– Спасибо тебе. Пойдём.

Они двинулись дальше.

От дерева к дереву, медленно, чуть ли не ползком, на четвереньках Макс упрямо брёл за своим непонятным проводником, то ли человеком, то ли нет, который оглядывался, ждал его, качал головой с сочувствием и досадой на непонятное упрямство.

А лес, величественный и прекрасный, осыпанный золотистыми искрами декабрьского раннего заката, молча взирал на людей, уходивших всё глубже и глубже в тёмную чашу.

До избушки оставалось несколько десятков метров, когда путники устало повалились прямо в снег возле высокой ели, мохнатой, тёмно-зелёной, почти черной от старости.

– Ты меня всё-таки заморозил... э-э... загипнотизировал?

– Нет, – хрипло отозвался Иннокентий. – Сам шёл, ещё и меня волок.

– А почему я ничего не помню? Плохой ты колдун, Кеш!

– Плохой, – согласился тот.

– И врать не умеешь. Поползли что ли?

– Поползли.

Они поднялись, отряхнулись кое-как от липкого снега и направились к избушке.

– Иди вперёд. Мне надо кое-что поправить.

Максим отстал, и Иннокентий первым поднялся на крыльцо.

– Уф! Неужели добрались?

Стукнула дверь.

Макс снял куртку, запустил руки под свитер и начал смаывать с себя самодельный защитный пояс. Почувствовал, как напряглось вокруг него пространство, как слегка зазвенела натянувшаяся струна реальности...

Весь пояс снимать не стал, оставил один виток, а конец, свёрнутый рулончиком, подоткнул сбоку, чтобы не мешал и не распустился вдруг.

Надел куртку, поправил шапку и пошёл к знакомой избушке.

* * *

– Здра...

– Руки! Оперативная служба. Вы арестованы, – спокойно, даже слегка скучая, сказал высокий, сухощавый мужчина, шагнувший навстречу, и замкнул на запястьях гостя сверкающие полированной сталью наручники.

На скамейке у окна с несчастным видом уже сидел в таких же наручниках Иннокентий, а чуть поодаль – Осинич с завязанным платком ртом и руками, стянутыми верёвкой. Возле лешего пристроился второй Сухощавый, похожий на первого, как брат-близнец, но, видимо, рангом пониже, потому, что всё время молчал. Третий, тоже Сухощавый, но несколько иной по внешности, хотя и не менее невзрачной,

встал у двери за спиной Максима.

– Стыдно, Иннокентий Аристархович! Право слово, стыдно! Бегаете, словно мальчишка. Будто у нас дел иных нет, кроме как гоняться за вами! Давай на выход, – кивнул он со-труднику у двери, и тот вытолкнул Макса на лестницу.

– Эй! Послушайте! Как вас там? Уполномоченный!..

– А вы, молодой человек, вообще помалкивайте. Нет у вас права голоса. И вообще, ничего для вас тут нет. Ваше присутствие – ошибка, которую мы намерены исправить. Только лишь.

– Как это нет ничего? Здесь моя Книга, и я без неё не уйду! – резким ударом ноги Макс сделал подсечку своему конвоиру и, когда тот упал, перемахнул через него и одним прыжком слетел с высокого крыльца. Рывком сдёрнул пояс, бросил в снег. Темнеющее небо тут же озарилось розовыми вспышками. Они замелькали со стробоскопической частотой. Мелко затряслась земля, и угрожающе закрипела старая избушка. Из неё выскочили оперативники. Заозирались.

– Что это?! – С лица старшего сползло скучающее выражение, сменилось испугом.

– Что вы делаете?! Прекратите немедленно! – в лицо Максиму уставилось дуло пистолета.

– Стреляй, – спокойно сказал Макс. – И увидишь, что будет.

– Мы же все сейчас погибнем! Весь мир! Вы понимаете?! И вы в том числе!

– А что мне терять? Мне-то как раз терять нечего.

Тряска между тем усилилась. Её сопровождал гул, сначала низкий, на пределе слышимости, но с каждым мгновением повышающийся до уровня непереносимого визга. Охранники, зажав уши, приседали на корточки и завывали неслышимо в общем шуме.

– Ладно!! – старший тоже зажимал уши, но терпел и не катался по снегу в отличие от коллег. – Мы вас выслушаем!!

– Этого мало! – Макс чувствовал, что времени у них всех осталось немного, но решил не сдаваться до последнего.

– Обещаю содействие!!... Да быстрее же! – Старший рухнул на колени, уже не заботясь о сохранении достойного облика.

– Руку!! Руку пусть пожмёт!! – Иннокентий вывалился из двери избушки с перекошенным от боли лицом.

– А пожмём-ка руки и вправду. Чтоб, значит, без обид, – Максим протянул обе руки в наручниках поверженному противнику. Мокрые дрожащие пальцы того вцепились на секунду в ладонь. Несильно ударило током.

Потом Макс нашарил в снегу свой лоскут и, как мог, скованными руками намотал его на пояс.

Реальность облегчённо вздохнула.

Кряхтя и охая, все поднимались с земли, приходили в себя. Иннокентий сидел на ступеньках, запрокинув голову и прижимая к кровоточащему носу платок с завёрнутым кусточком снега.

Пошатываясь, старший «уполномоченный» воздел себя на ноги. Вид он имел бледный, спеси значительно поубавилось. Глянул в упор на Максима.

– Вам повезло, – кивнул в сторону Иннокентия. – Своевременный совет порой стоит жизни... Крупно повезло, – повторил он, растирая руки. – Нам всем. Как, кстати, вам это удаётся – нейтрализовать дисбаланс?

– Наверное, это смешно, но вы – не первый, кто меня недооценивает.

– Ладно, неважно. По заключению договора я даю вам сутки, начиная с этого часа. В любом случае у вас нет больше времени: пространство прогнётся. Вы должны найти свою книгу. Это всё, что я могу для вас сделать.

– Не всё, – возразил Макс. – Браслеты ещё можете снять!

– Да где ж это видано, чтоб вот так вот обращались с тобой, аки с псом безродным! И пёс-то уважения заслуживает, а тут люди...!

– Ага! Особенно ты. Человек тож! – проворчал Никодим в ответ на бурные сетования Осиньча по поводу произвола Службы Безопасности. – Сядь, старый пень! Давай лучше думать, чем горю помочь. А сокрушаться потом будем, коли кураж не пройдёт.

– Эх! – Осиньч покорно сел на то самое место, где ещё полчаса назад пребывал в униженно беспомощном состоянии.

– Наше счастье, что они оперативников прислали, мелкую сошку. Был бы с ними Магистр, мы бы и пикнуть не успели!

– Так говоришь, Муромец кашу заварил?

– Заварил как раз не он, а клиент, возжелавший невесть чего, – Иннокентий потирал запястья, словно ещё чувствовал на них оковы.

– Отчего же «невесть» – то? – отозвался Никодим. – Очень даже «весть». Для чего Книга судеб понадобится может? Не на гнёт же для квашни! Прочеть что-то! Или изменить.

– Нельзя, – покачал головой Осинич.

– Нельзя, – кивнул домовой. – В нашей нельзя. А ежели, чью чужую сюда доставить, то можно. Она ж чистой станет! Судьба ведь своя мало кого устраивает, а тут такая возможность! Пиши, хоть анекдот, хоть новую историю с собой, любимым на мировом троне.

– И что? Сбудется?! – не поверил Макс.

– Очень мало вероятно, – откликнулся Иннокентий. – Чем сложнее желание, тем больше граничных условий требуется описать... Нет, это нереально. Я уже думал.

– Это ты знаешь, что нереально, а клиент может и не знать! Да наверняка не знает! А Магистр не обязан объяснять. Он обязан выполнить! – пробасил Никодим.

– То-то Муромец такой смурной был, как в воду опущенный. Переживал за какие-то порушенные жизни, – леший запустил пятерню в бороду и нахмурился, – Я-то думал, он так,

в общих словах, в теории, а он, стало быть, про себя говорил.

– Вы его так защищаете!..

– Да виноват, – махнул рукой Осинич, – кто ж спорит? Только шишки на него одного тож нельзя валить. Сложно у них там всё устроено. Кеша, вот, не выдержал в своё время, сбежал.

– Что делать будем, мужики? Времени у нас до утра только.

– Во-первых, Илью вызвать. Осинич, он не говорил, куда собирается?

Леший молча развёл руками.

– Ладно, это я беру на себя. У нас Договор, пусть попробуют помешать!

Макс глянул в сторону поленицы, где аккуратные берёзовые чурки соседствовали с вязанкой толстых длинных прутьев.

– Нет ли у тебя, друг дед-леший, волшебной палочки, которая дорогу укажет?

– Знать бы куда направить, а палочку смастерить недолго.

– А ведь это мысль! Точно надо попробовать Ключ!

– Нет Книги в лесу, Кощеюшка! Уж я-то почувал бы!

– Не ты должен её почувать, а Максим.

Леший с сомнением покачал головой, но палку из поленицы вытащил, протянул Максиму.

– Держи. Дорога в твоих руках. Куда направишь, туда и

выведет. То ли к золоту, то ли к булату, то ли к счастью, то ли к несчастью...

Палка вдруг ощутимо потяжелела.

Они вышли из избушки в густеющий в сумерках лес.

Волховское зелье сослужило добрую службу: Макс и раньше на глаза не жаловался, но никогда так отчётливо не видел в темноте. Он крепко сжал в руке Ключ, постарался, как можно ярче представить Скрижаль, потянулся к Ней, позвал и резко воткнул Ключ в снег. Искрящаяся вуаль взметнулась в небо, осыпалась холодной пылью, а от Ключа уже неслась куда-то в чащу мерцающая дорожка.

– У нас всё получится. Обязательно!

Макс кивнул, пожал Иннокентию руку и отправился в ночь.

* * *

Последние два дня Демьянов работал дома, в своём кабинете. Он чувствовал себя уставшим, разбитым, никого не хотел видеть, но работы накопилось столько, что ни о каком отпуске или просто выходном не могло быть речи. Целая кипа договоров, перемежаемых прочими, менее значимыми по объёму, но никак не по содержанию, бумагами ждала его проверки и рецензии.

На большом стеклянном столе рядом с кипами докумен-

тов, разложенных в идеальном порядке, возле монитора стояла фотография в ажурной ковanej рамке, а чуть поодаль, на самом краю, лежал толстый, крупноформатный фолиант, оправленный в натуральную кожу. От Книги веяло стариной и ощутимым холодом.

Закончив печатать, Демьянов откинулся на спинку кресла и растёр уставшие ладони. Взгляд остановился на фото в металлической рамке. Синеглазая девушка улыбалась неизменно сколько уже? Полгода? Да. Шесть, шесть бесконечных месяцев – и только с фотографии. Кто сказал, что время лечит? Если и так, то относится это к другим, а что до него, Сергея Демьянова, желание вернуть всё назад нисколько не притупилось, как не притупилась тоска, не исчезли мысли, что всё могло сложиться иначе, если бы не...

Он закурил, отошёл к окну и смотрел на зимний город, простирающийся внизу. Потоки машин, люди, торопливо идущие в разных направлениях, – жизнь текла, не стихая, где-то там, в стороне, а он взирал на неё почти с высоты птичьего полёта и чувствовал себя выброшенным из основного потока. Нет, конечно, вокруг него всегда было много народа, много клиентов, нуждающихся в услугах квалифицированного юриста, но это всё не то. Никого он не интересовал, как личность, никто не интересовал его. После той девушки с фотографии...

Сергей перевёл взгляд на фолиант. До конца в его магическую силу он не верил, как не верил до конца вообще ни

во что. Любой очевидный факт мог оказаться подделкой, искусной мистификацией, – с подобным он не раз сталкивался за свою практику.

Книга выглядела очень внушительно. Огромный том, покрытый рельефными узорами, подчёркнутыми налётом инея, – было в нём нечто сказочное, таинственное, неземное... Сергей провёл пальцем по холодному корешку. В сознании замелькали какие-то образы, незнакомые лица, огромные деревья, заполонившие полмира. Открыл книгу на середине, коснулся ладонью чистого желтоватого листа, прохладного, немного шершавого.

Этот парень, магистр – как его там?.. Баринов? – говорил, что от Книги зависит судьба целого мира... Хм? Пока, во всяком случае, Сергея заботит его собственная судьба, куда менее абстрактная и призрачная. Да и настолько ли всё серьёзно, если Магистрат до сих пор не запросил платы?

Зазвонил телефон. Демьянов закрыл книгу, взял трубку аппарата, стилизованного под старину. Несколько секунд молча слушав собеседника, бросил коротко:

– Ладно. Приеду.

Затем уложил в кейс бумаги, накинул пальто и, застёгиваясь на ходу, пошёл к лифту.

Дорожка не остановилась, как в прошлый раз на границе леса, а потекла слабо мерцающей струйкой через шоссе. Несколько машин тут же разорвали волшебную ленточку

чёрными жирными штрихами обнажившегося асфальта, но она всё равно стремилась вперёд, через деревушки, мелкие пролески, мимо дачного посёлка, к сияющим в ночи огням города.

Макс бежал за ней, перепрыгивая препятствия, не обращая внимания ни на прохожих, ни на резко тормозящие перед ним машины. Водители ругались вслед и потрясали кулаками, но он даже не оглядывался. Договор, когда на кон, в качестве платы за неудачу поставлена Жизнь, не его, Максимова персональное бытие, а именно Жизнь в миллионах её проявлений на маленьком кусочке Вселенной, Договор с непонятными, полу мистическими, силами хранил его пока. До утра.

«Время, время, время!» – пульсом стучало в висках и гнало, гнало вперёд.

Демьянов решительно открыл толстый том на первой странице, снял с авторучки позолоченный колпачок и задумался на секунду, составляя в уме фразу.

Звук открываемой двери и шагов заставил обернуться. В комнату вошёл рослый парень. Сергей окинул его взглядом и поморщился. Хлопья снега с ботинок таяли на паркете грязными лужицами, по покрасневшемуся лицу парня из-под слипшихся прядей волос текла струйка пота.

– Я не принимаю сегодня... Вы как вошли? Почему не разделись в прихожей?

Не отвечая и не реагируя на праведный гнев, парень подошёл к столу.

Может, в природе существовало тысячи Книг, имеющих разную форму или наоборот, похожих друг на друга, но свою Максим узнал с первого взгляда. Да, это была та самая Скрижаль, которую он видел у волхвов, та самая, в которую должно быть внесено описание его мира. Однако сейчас страницы были девственно чисты.

– Я пришёл забрать, – Макс осторожно закрыл Книгу. На густо запорошенном инеем переплёте остались следы его горячих пальцев.

– На каком основании? – сухо поинтересовался Демьянов.

– На том, что это моё.

– А вы кто вообще-то? Штатный мастер тёмных дел? Очередной джинн?

– Я – охотник, – ответил Максим. – Патрульный. И я хочу вернуться домой.

В его тёмных глазах были одновременно и усталость, и облегчение, и полная бесхитрость, и решительность.

– Да забирайте, – вдруг махнул рукой Демьянов. – Всё равно я ни во что э т а к о е не верю, ни в какие тайные силы, во всяком случае, в те, что в состоянии что-то изменить.

– Могу я спросить, что вы хотели вписать сюда?

– Какая разница? В любом случае время необратимо, а во всякую фантастику я не верю. Это, – он кивнул на фолиант, – было проявлением слабости.

Он достал портсигар.

– Курите?

Макс покачал головой.

Демьянов закурил и ещё раз оглядел гостя.

– Может, присядете? Поговорим.

– У меня нет времени. Я и так здесь задержался.

Он хотел взять со стола Скрижаль.

– Подожди.

Молодой человек, в котором Демьянов узнал Илью, подошёл к Максиму.

– Клади руки сюда, да, на обложку...

Затем накрыл ладони Максима своими. Мелькнула на миг розовая вспышка. Иней на Книге растаял, от неё пахнуло теплом, и по тиснёной коже переплёта поплыли причудливые узоры таинственных рун.

– Вот и всё.

– Еле успели! – Иннокентий кивнул на часы на стене. Без нескольких минут полночь фиксировал беспристрастный электронный циферблат.

– Здравствуйте. Добрый вечер, – Кеша вежливо улыбнулся Демьянову.

– А что охранник внизу, к Новому году ушёл готовиться? Или спит?

– Заморозили, наверное, – хмыкнул Макс. Он держал обеими руками тяжёлый том и чувствовал, как со струящимся от того теплом, всё существо его наполняется спокойствием,

уверенностью, что уж теперь-то всё позади, что всё будет хорошо.

Илья внимательно оглядел Макса.

– Кто экран ставил?

Иннокентий скромно потупился.

– Молодец! – Магистр дружески хлопнул его по плечу. От движения бархатно-чёрная мантия, укутывающая его плечи, на миг раздвинулась. Плеснуло ослепительно – белым светом. Все заморгали.

– Штучки эти ваши, – пробормотал недовольно Демьянов, протирая глаза.

– Ух, ты! Вот цирк! – раздался радостный голос от боковой двери. Все обернулись. Девчонка лет семнадцати босая, в шортах и майке, несмотря на довольно прохладный воздух в комнате, с восторгом оглядывала мужскую компанию. Макс поразился: Весна, вылитая Весна стояла на пороге! Только младше возрастом, да и причёска из длинных русых волос была уж очень замысловатой и экстравагантной: какие-то хвостики, многочисленные косички, свисающие ленточки... Госпожа биологиня такое вряд ли бы соорудила на своей голове.

– Эля, – строго сказал Демьянов, – ты почему не спишь?

– А! – отмахнулась девчонка, – Да брось ты, детское время!

– Кто ты, юное создание?

– Дочь, – ответила девчонка и, дерзко глянув на Демья-

нова, перевела взгляд на Иннокентия. Оглядела его с ног до головы. – Класс! А ты кто? Факир?

– Я.. э-э-э... нет. Я по компьютерам. Программист.

– Чё, правда?! Ты в компах разбираешься? Класс! Слушай, у меня там зависает постоянно... Не посмотришь?

– Алевтина! – повысил голос Демьянов. – Отправляйся к себе!

– Я и, правда, мог бы помочь, но сейчас, наверное, неудобно. Может...

Девчонка быстро начеркала что-то в блокноте на столе, вырвала листок, сунула его Иннокентию.

– Позвони мне. Только обязательно! На дискотеку сходим, технику мою починим...

Махнула рукой.

– Всем пока! – и упорхнула из комнаты.

– Нам тоже пора.

– Эй! – окликнул Магистра Демьянов. – А как же моя душа? Разве вы приходили не за ней? Так забирайте!

Илья остановился. Оглянулся.

– Скажите, Сергей, неужели вам и, правда, не ради кого жить?

* * *

Макс возвращался домой. Ветка, огромная, широкая, как площадь, чуть поскрипывала под ногами, но скорее это была

лишь иллюзия, ибо Деревья прочнее камня, прочнее любого вещества в природе и физически не могут скрипеть под ничтожного весом человека.

В щелях коры, в нанесённой ветром почве росли тонкие берёзки и тихо шелестели нежной молодой листвой. Начало лета, начало новых надежд, новых проблем, новых мыслей, нового осознания себя в мире и мира вокруг себя. Для всех, наверное, не только для него, Максима, ибо возрождённый мир всё-таки чуточку стал другим. Хотя внешне всё такое же, как было, но нет тягостного ощущения безнадёжности. Или так только кажется? Кажется, потому, что сам Макс видит теперь всё в ином свете, с позиции не врага, а союзника, готового понять и принять изменения в жизни, диктуемые другой стороной? В любом случае он постарается донести свою точку зрения и до тех, кто согласится слушать. А они есть, не могут не быть!.. Значит, надо рассказать обо всём.

Конечно, не поверят. Сначала не поверят. Но ведь ему помогут! И люди, ушедшие жить вверх, строящие быт совсем по другим принципам, главный из которых – не борьба, а взаимодействие и понимание. И Весна, которая пока что осталась у волхвов. А может, и его новые друзья из параллельной вселенной? Хотя нет. Сами должны справиться, без подсказки извне.

Вот в гости наведаться – это другое дело. Если получится. Впрочем, Магистр сказал, что инверсионный след будет существовать ещё долгие месяцы, так что получится. Всё по-

лучится. Теперь – всё.

– Ну, будь здоров, Максим Селиванов. Может, свидимся ещё? – Осинич вздохнул, крякнул, а потом протянул ему берестяной туюсок с плотно пригнанной крышкой. – Держи. Медок на дорожку и орехи.

– Дорожка-то полсекунды займёт, – хмыкнул Никодим, который стоял тут же, на полянке перед избушкой, и зябко кутался в овчинный тулупчик.

– Ну, уж! – возразил леший. – Ему домой ещё идти сколько!

Иннокентий обнял его.

– Привет принцессе, – шепнул ему на ухо Макс. Кеша грустно улыбнулся.

Илья некоторое время молча смотрел на него, потом сказал:

– Прости меня.

Макс кивнул серьёзно, и руку, протянутую всё-таки пожал. Рука была тёплая, человеческая, током от неё не ударило, пожатие – крепкое по-мужски и дружественное. И даже вспыхнувшая изнанка мантии не показалась уже столь ослепительной в свете солнечного утра – кануна нового года и новой жизни.

Сбоку мелькнула тень, и Макс рефлекторно перехватил

винтовку. Потом подумал и вновь повесил её на плечо.

Из переплетения ветвей выплыл сумеречник, сжался в комок, готовый пыхнуть в лицо облачком жгучего тумана. Человек, однако, агрессивных действий не предпринимал, и сумеречник подплыл поближе. Где глаза у сгустка дыма? Но Макс чувствовал, что за ним наблюдают, рассматривают. Он осторожно протянул руку. Облачко шарахнулось, было, в сторону, но затем вернулось, остановилось на безопасном расстоянии. Тонкое щупальце, похожее на пальчик, осторожно вытянулось в направлении руки, коснулось её, невесомо мягкое и пушистое на ощупь. И через мгновение сумеречник унёсся в чащу. В его треске и пощёлкивании слышалось что-то довольное и даже разухабистое и весёлое.

Макс улыбнулся.